

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

коммерсант

ДЕТЕКТИВ

Марина Ларина

**ТЫ ПЛАКАЛА
В ВЕЧЕРНЕЙ ТИШИНЕ, ИЛИ
МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА...**

Марина Ларина

**Ты плакала в вечерней тишине,
или Меркнут знаки Зодиака**

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Ларина М.

Ты плакала в вечерней тишине, или Меркнут знаки Зодиака /
М. Ларина — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-3576-4

Главная героиня романа питерская журналистка-неудачница Настя Прокофьева неожиданно для себя становится участницей криминальных событий, которые кардинальным образом меняют всю ее жизнь. Теперь она не сторонний наблюдатель, но жертва и одновременно мститель...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3576-4

© Ларина М., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марина Ларина
Ты плакала в вечерней тишине,
или Меркнут знаки Зодиака...

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест». 2014

Часть первая Санкт-Петербург

*Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред.*

Н. Заболоцкий «Меркнут знаки Зодиака», 1929

Глава первая Опасное наследство

В клубе «Gardevias» в центре Санкт-Петербурга шла презентация альбома-трибьюта недавно распавшегося этно-арт-рок коллектива «Византия». Концерт был приурочен к годовщине смерти создателя «Византии» аккордеониста Сергея Голиарда, долгое время выступавшего в широко известной группе «Затока». Бессменный лидер «Затоки» Даниил Петухов разогнал половину старого состава музыкантов, способных, как он выразился в одном интервью, на собственные открытия. Среди изгнанных был и Голиард, и в самом деле сумевший создать толковый музыкальный проект.

Журналистка Настя Прокофьева вслушалась в знакомую мелодию и улыбнулась, вспомнив, как она брала интервью у «византийцев» восемь лет назад. В отличие от Петухова, мнившего себя духовным отцом Петербурга, у этих ребят не было и намека на заносчивость. Они были просты в общении и искренне любили музыку, в которой неустанно экспериментировали, пытаясь найти свое, единственно верное звучание. Как выразился тогда Сергей:

– Я всего лишь скрипка в руках духа, диктующего мне эти ноты, в которых слышится зов мирового пространства.

Настя брала интервью по заданию довольно крупного молодежного журнала, но обстоятельства изменились, и она опубликовала его в мелкой московской газетенке, где работала ее подруга Элла Михайлова, Элка из Сыктывкара – комиссар в юбке. Приехав в Москву и не поступив в выбранный ею вуз, она познакомилась на улице с фотографом из коммунистической газеты и осталась у него жить, а затем устроилась на работу в то же издание, в котором работал и ее гражданский муж. Она вела там рубрику «Красный репортер», а по вечерам бегала на концерты «Затоки», «Византии» и прочих петербургских рок-групп, гастролировавших в столице.

Концерт закончился, но Насте все еще не хотелось покидать место, где звучала эта чарующая музыка. Она словно боялась спугнуть саму себя, обретшую возвышенное состояние духа. И ей совершенно не хотелось возвращаться к обыденной суете и повседневному трепу. Настя Прокофьева вдруг ощутила усталость и нежелание заниматься в жизни тем, что давно уже ей опостылело. Публика потянулась к бару заказывать спиртные напитки, а журналистка, постояв еще некоторое время возле сцены, где музыканты убирали инструменты, собралась с духом и направилась к выходу. «Великое недолговечно, – вспомнилась ей фраза из кинофильма Андрея Тарковского «Ностальгия», – лишь малое имеет продолжение».

В тот самый момент, когда журналистка Настя Прокофьева вышла на улицу из клуба «Gardevias», на аэродроме в Пулково приземлился самолет спецрейса «Прага – Санкт-Петербург».

бург». Из салона самолета вместе с другими пассажирами вышел широкоплечий грузный человек в черном плаще. Этот человек, за которым неотступно следовали два телохранителя, быстро пересек зал аэропорта и сел в черный бронированный автомобиль.

Как только черный человек захлопнул за собой дверь, машина тронулась в путь. В кармане пиджака этого человека лежал камень, имевший историю почти в две тысячи лет. Где-то там, где решается судьба, круг замкнулся. И прошлое встретилось, скрестилось и сплелось с настоящим...

Рассеянно глядя в окно на покосившуюся крышу соседнего дома, Лаурета де Мазаурик думала о своем единственном сыне Себастьяне, которому она еще с отрочества предназначила службу в командорстве рыцарей духовного ордена Храма. Лаурета, как и многие другие жители христианизированного Юга Франции, наивно верила в то, что, отдавая самое дорогое ордену, она тем самым завоевывает расположение самого Иисуса Христа, благодаря чему его верные слуги рыцари-храмовники не оставят ее в беде ни при каких обстоятельствах.

У этих же «слуг» был свой корыстный расчет, была своя финансовая политика. Учрежденные ими командорства располагались на основных путях паломничества в средневековой Европе, одни из которых вели через порты Венеции и Марселя в Иерусалим, к Гробу Господню, а другие – в испанский город Сантьяго-де-Компостелла, где хранились мощи апостола Иакова. Путь в Сантьяго-де-Компостелла пролегал через земли южной Франции, которые назывались тогда Лангедоком. Там, в Лангедоке, недалеко от города Альби и находилось имение Лауреты и ее покойного уже супруга Жерара де Мазаурика.

Организованный по принципу дорожной полиции, призванной охранять паломников во время их путешествий на Ближний Восток, орден тамплиеров очень скоро показал всему миру, как можно делать деньги в буквальном смысле из ничего.

За охрану и сопровождение грузов по дорогам с Востока на Запад рыцари ордена Храма Соломона, названного ими так в честь разрушенного их предшественниками храма в Иерусалиме, брали определенный процент. Имуущество отправлявшихся в путешествие паломников также можно было оставить в залог храмовникам, которые снабжали ссудой всех желающих посетить Святые земли. О богатствах и райских куцах Востока ходили тогда красочные легенды, и европейцы XII–XIII веков во множестве путешествовали туда и обратно.

Постепенно тамплиерами была создана мощная организация, опутавшая как сеть своими командорствами всю Европу и ставшая впоследствии прообразом современной банковской системы. Рыцари Храма первыми в средневековой Европе ввели понятие чека. Отправляясь в паломничество из одного города, обладатель такого документа, оставив свои драгоценности или земли в залог тамплиерам, мог получить необходимую ему сумму в другом городе, где также располагалось их командорство. Иногда это происходило уже на Востоке, где тамплиеры тоже имели свои представительства.

Путешествие, как правило, занимало несколько лет. Вернувшись же на родину после длительных странствий, паломник отдавал ордену взятую им сумму денег в обмен на залог. Доходы, полученные от использования залога, рыцарями Храма утаивались. Духовно-рыцарский орден богател также за счет безвозмездных пожертвований как от дворян, так и от людей низкого сословия – купцов и ремесленников, даривших тамплиерам дома, лавки, уголья.

Лаурета де Мазаурик, искренне веровавшая католичка, после смерти мужа решила довериться Богу и, следуя совету священника, целиком передала управление своими землями рыцарско-монашескому ордену.

– Я – женщина, – думала Лаурета. – И я не могу знать доподлинно, что хочет от меня Бог. Его слуги разбираются в жизни лучше меня. Они умнее меня и знают пути Господни. Наверное, я поступаю правильно. В день Страшного суда мне это зачтется, и Господь меня не забудет и спасет.

Сын Лауреты де Мазаурик Себастьян, возможно, предпочел бы рыцарским доспехам нечто другое, но, поскольку его судьба была уже заранее предрешена, достигнув надлежащего возраста, подтвердил свое согласие присоединиться к тамплиерам, уважив тем самым волю матушки. Пожив некоторое время после отбытия сына на службу одна в своем доме возле Альби, Лаурета в конце концов не выдержала одиночества и переехала к брату в Безье, где и пребывала в стенах его дома в думках о сыне.

В 1202 году Римским Папой был объявлен очередной крестовый поход на Ближний Восток. Вместе с другими французскими рыцарями туда отправился любимый и единственный сын Лауреты Себастьян, и вот шел уже второй год, как от него не было вестей.

– О, Боже, благодарю Тебя за то, что Ты позволил моему сыну припасть к месту, где ступала нога сына Твоего Иисуса Христа, – прошептала Лаурета, став на колени перед святым распятием, висевшим у нее в спальне. – Благодарю Тебя, и прошу благословить его благополучное пребывание на Святой земле... – Она сложила ладони под подбородком, устремила взгляд кверху и прочитала каноническую молитву, завершив ее словами: – Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь.

Лик женщины был светел и ясен. Она представляла себе сына в святой Палестине и городе Иерусалиме, которых никогда не видела, но о которых много слышала от паломников, нередко проходивших через Безье. Ей воображению рисовались величественные картины борьбы Себастьяна с сарацинами и победы над ними под флагом с восьмиконечным крестом, таким же, какой рисовали на своем облачении крестоносцы.

А тем временем Себастьян, вопреки представлениям простодушной Лауреты, вместе с товарищами дрался не с сарацинами, а с единоверцами – православными христианами.

Такого поворота событий, какой совершился по прибытии Себастьяна де Мазаурика и других французских крестоносцев в Венецию для того, чтобы отплыть в Египет, который планировалось использовать как плацдарм для нападения на Палестину, никто не ожидал. Венецианцы подрядились доставить французских крестоносцев по морю к берегам Святой земли. Но поскольку вместо тридцати тысяч рыцарей для участия в крестовом походе в Венецию прибыло вдвое меньше, крестоносцы по причине своей малочисленности оказались не в состоянии оплатить корабли и провиант. Тогда крестоносцам была предложена коммерческая сделка. Вместо платы они должны были помочь венецианцам уничтожить их экономического соперника, портовый город Задар, расположенный на территории современной Хорватии, которая тогда называлась Далмацией.

Крестовый поход в Палестину находился под угрозой срыва, и воины Христовы согласились помочь в штурме и разграблении христианского Задара. На глазах Себастьяна вместо мусульманской крови сарацин лилась христианская кровь хорватов, и Себастьян деятельно в этом участвовал. Ему, как и всем прочим крестоносцам, очень хотелось попасть в Святую землю, легендами о которой полнился весь Лангедок, и этим желанием он оправдывал для себя участие в грязном деле разграбления Задара.

Перезимовать пришлось в Далмации, и Себастьян, томимый скукой и тоской по родине, впал в грех, увлекшись сероглазой славянкой Миленой.

«В конце концов, – думал он, – выбор за меня совершила моя матушка, и Господь меня простит, поскольку знает, что в мыслях у меня ничего плохого не было. Ведь поговаривают, что и сам Иисус Христос не чурался прелестей грешницы Марии Магдалины».

Ересь катаров была широко распространена в Лангедоке, где Себастьян провел детство. И до его ушей не могли не дойти катарские легенды о рождении от Христа детей Марией Магдалиной, которая, якобы переправившись из иудейской Галилеи в Марсель и поселившись во французской Галлии, соседствовавшей с Лангедоком, принесла на родину рыцаря де Мазаурика кровь Христа. Себастьян и верил и не верил этим легендам, но, как и многие, считал, что дыма без огня не бывает.

К тому же Себастьян за время пребывания в ордене тамплиеров был свидетелем разного рода телесных непотребств его рыцарей, по сравнению с которыми его связь с этой славянской девушкой выглядела не более чем проступком. Его молодое тело дышало жаждой жизни и так же, как у многих тамплиеров, рвалось из пут воздержания и ночью, и днем.

Надо сказать, что в ордене строжайше запрещалось плотское общение с женщиной, но если возникало сильное желание, рыцарям-монахам, чтобы унять его, не воспрещалось совокупляться друг с другом. И Себастьян однажды видел, как Великий магистр использовал юного брата Пейре три раза за ночь. Рыцарь де Мазаурик при этом прятался за ширмой в келье своего товарища, откуда он не успел выйти, когда туда заглянул магистр. Секс Пейре по принуждению с магистром был не менее отвратительным, чем сношения рыцарей с животными, чему также неоднократно был свидетелем Себастьян.

Душа Себастьяна отвергала срамные действия сотоварищей и напротив тянулась ко всему, что было связано с нормальными отношениями с женщиной. Он вырос в краю, где трубадуры воспевали куртуазную любовь к замужним дамам, а рыцари посвящали им свои подвиги, славя их имена. Себастьян наизусть помнил некоторые кансоны трубадуров Гильема Аквитанского и Бертрана де Борна, и сам пробовал себя в сочинительстве любовных песен. Особо обожал он поэму «Фламенка», по сюжету которой главный герой рыцарь Гильем для того, чтобы иметь возможность лицезреть обнаженной свою возлюбленную Фламенку, прорыл подземный ход из гостиницы, где он жил, к бане, в которую ходила дама его сердца. Эротика текста пленяла его своим очарованием, и Себастьян нередко предавался грезам о женщине. Теперь же строки любимого текста «Фламенки» ассоциировались у него с конкретным образом сероглазой Милены. И думать о ней ему было намного приятнее, чем наблюдать за мастурбацией или содомией братьев-тамплиеров.

Но зима скоро прошла, и встречи со славянской Фламенкой прервались. Вместо завоевания Египта крестоносцам снова предложили поучаствовать в коммерческом предприятии по восстановлению на троне низложенного Византийского императора, который попросил о помощи, суля за нее большое вознаграждение. И тамплиеры, среди которых был и Себастьян, так и не достигнув Иерусалима, с благословения Римского Папы, заинтересованного в ослаблении православного государства, направились на штурм всеславной столицы Византии города Константинополя. С лета по апрель следующего 1204 года в Константинополе шла борьба за власть, и крестоносцы, так и не получив обещанных денег ни от восстановленного у власти императора, ни от сменившего его преемника, вынуждены были прозябать под стенами великого города.

Взору юного рыцаря де Мазаурика во всем своем великолепии предстала византийская столица. Он восхищался ее храмами и церковным убранством, возвышенной архитектурой дворцов, изысканными нарядами и укладом жизни. Теперь Себастьяну его малая родина казалась отсталой провинцией, где даже главные города не могли сравниться с рядовыми селениями великой Византии, преемницы Римской империи. Он никогда не видел ни таких фресок, ни таких изысканных орнаментов, которыми поражали его взор здания Константинополя.

Но и роскоши Константинополя удивляться Себастьяну долго не пришлось. Святое воинство, выступавшее под именем Христа, вскоре вступило в конфликт с взбунтовавшимся местным населением, не желавшим платить повышенные налоги, чтобы содержать крестоносцев. 12 апреля 1204 года крестоносцы штурмом взяли Константинополь и предали его святыни и памятники разрушению. Такого вандализма, с которым рушилось все то великолепие, которое он мог наблюдать в столице Византии, бедный рыцарь из Окситании еще не встречал. На его глазах гибла красота, которой он еще совсем недавно так восхищался. И теперь он сам вынужден был участвовать в ее уничтожении, выполняя воинские распоряжения.

Когда бои продвинулись до собора Святой Софии, где содержались христианские реликвии, перевезенные когда-то римскими императорами из Иерусалимского храма, рыцарь де

Мазаурик ворвался в хранилище. Там под стеклом на расшитой золотой нитью серебристого цвета подушечке лежало копьё Лонгина, которым, по легенде, римский легионер проткнул между ребер тело Иисуса Христа. Рядом в алмазном обрамлении покоились остатки креста, с которого сняли Иисуса, и гвозди, которыми его к кресту прибили, а также хрустальный сосуд, где якобы хранилась его кровь. Внимание рыцаря из Окситании, растерявшегося при виде этих бесценных реликвий, привлекла чаша, из которой, по легенде, Иисус пил во время Тайной вечери накануне Пасхи. Сине-зеленый камень, который украшал эту чашу, приковал к себе взор Себастьяна и вынудил его действовать. Секундой позже чаша нырнула в поясную сумку рыцаря де Мазаурика.

Еще через пару часов, когда окончился бой, и другие христианские реликвии оказались в руках у крестоносцев, чтобы позже всплыть уже в Западной Европе. После дикого разгрома, устроенного крестоносцами в Константинополе, Византия уже не смогла оправиться. Многие памятники античного искусства исчезли навсегда. Часть населения погибла, храмы были разрушены. На обломках Византийской империи позднее было создано государство крестоносцев. Полвека спустя византийцы с помощью турок снова отвоевали Константинополь, а в XV веке Византия исчезла как государство уже навсегда.

Но это была уже другая эпоха, в которой место старой Римской империи прочно заняла новая Священная Римская империя с германским ядром, вокруг которого объединились земли Чехии, Италии, Швейцарии, Нидерландов и Бельгии.

Себастьян де Мазаурик, вернувшись после позорного четвертого крестового похода к матери в Лангедок, примкнул к катарам, которые видели в католической церкви, грабившей местное население, заклятого врага. Будучи дуалистами, катары приписывали все мирские установления, связанные с угнетением человеческой воли, Сатане, который возымел власть в душах людей на земле, а истинным Богом считали Любовь, которая обреталась в чистых, незамутненных ложью, межлюдских отношениях.

Такие взгляды на мир были Себастьяну по душе. Они были гармоничными, не принуждали его к разладу с самим собой. Себастьяну грели душу также воспоминания о славянской красавице Милене. Память о ней жила в его сердце. И он, наверное, был бы счастлив, если бы узнал, что у нее в Далмации родился от него сын.

Чаша, которая он вывез из оккупированного крестоносцами Константинополя, была передана им на хранение общине катаров. Себе он оставил только камень, который, словно нарочно, откололся от нее при переезде из Константинополя в родной Лангедок. Он носил его как талисман из Святой земли в кожаном мешочке на шее и завещал своему слуге Морису передать камень катарам в случае его смерти.

Спустя пять лет после разграбления Константинополя Папа Римский объявил очередной крестовый поход, теперь уже против непокорных еретиков Лангедока, не желавших подчиниться церковникам и французской короне. Поводом послужило убийство в Лангедоке папского прелата.

Было жаркое лето 1209 года, когда крестоносцы подступили к городу Безье и потребовали, чтобы все католики покинули город. После того, как горожане не подчинились, город был взят штурмом и отдан на разграбление. Кровь в Безье лилась рекой. Папские крестоносцы вырезали всех подряд от мала до велика, не глядя ни на пол, ни на возраст. И делали это они по прямому распоряжению папского ставленника Арнольда Амори, курировавшего крестовый поход, который на вопрос рыцарей, как отличить католиков от катаров, спокойно ответил:

– Убивайте всех. Господь признает своих.

Последними словами Себастьяна, который упал пронзенный копьем крестоносца, были:

– Вот и все. Оказывается, умирать не страшно... А я думал...

Копье прошло возле самого сердца, обильно окропив кровью благородного рыцаря Лангедока камень, который висел у него на шее. Рядом с господином лежал его слуга, кровь из расколотой головы которого струилась подобно водам протекавшей через Безье реки Орб.

После жестокой резни в городе Безье еще долго бесчинствовали бродяги и нищие, грабя дома и выворачивая карманы благородных сеньоров, валявшихся на улицах в лужах засохшей крови. Один из этих бродяг по прозвищу Роже Косой добрался до тела Себастьяна и завладел драгоценным камнем.

Роже Косой погиб от руки таких же, как он, нищих и попрошаек, которые в драке на площади в Монпелье, девять месяцев спустя после описанных событий, распоролы ему живот. Кровь снова залила камень, зашитый у бродяги Роже в штанах. Эту драгоценность обнаружила прачка Аурелия, жившая в доме неподалеку от площади, которая стянула с бродяги штаны, чтобы перешить их на портки детям.

Аурелия отнесла камень в лавку к старьевщику Исааку, запросив за него несколько золотых монет. Прижимистый Исаак, разумеется, тут же сбил цену, однако Аурелия осталась довольной и теми крохами, которые ей столь неожиданно перепали. Так в первый раз за историю своего существования сине-зеленый камень, украшавший некогда легендарную чашу, стал объектом купли-продажи.

После этого камню пришлось пролежать около двадцати лет в земле, закопанным во дворе дома еврея-старьевщика. Времена были беспокойные. В Лангедоке все еще истребляли еретиков, то и дело бунтовавших в городах и селениях. И Исаак решил выждать время, закопав свое столь нечаянно свалившееся на голову богатство в землю.

А в Окситании набирала силу инквизиция. Крестоносцы с их военным разбоем отошли на задний план. Теперь еретиками занимались братья-инквизиторы из ордена доминиканцев, которые с замечательным усердием отправляли их на костер в Альби, Тулузе, Нарбонне. Одним из последних оплотов катаров была крепость Монсегюр, где и хранилась чаша, вывезенная катарами из Безье накануне гибели этого города.

В 1244 году, когда Монсегюр пал, а всех его жителей сожгли, чаша отправилась в путешествие по Европе вместе с бродячими музыкантами и жонглерами, которым ее передали на хранение катары Монсегюра. Возглавлял труппу Николя Аверони, бедный сочинитель серенад и сервентов.

Камень же к тому времени был уже извлечен из-под земли и продан проезжему купцу Геральду, направлявшемуся из Барселоны через Монпелье в Париж.

Исаак получил за этот камень достойную плату, но деньги не пошли ему впрок. Его зарезали грабители в собственном доме, а все золото, конечно же, пошло прахом.

Новый обладатель камня не продал его, а подарил факультету искусств Парижского университета, где учился его сын Аймерик.

О происхождении реликвии догадались только более чем полвека спустя, когда студентам и преподавателям университета стали доступны рисунки византийских художников, на которых в цвете изображалась та самая чаша с глазоподобным сине-зеленым камнем.

Еще некоторое время камень лежал в университетском музее минералов, а затем студент Эрик Флефри украл его для своей возлюбленной Жеральдин Брейтон. Поклонник творчества средневековых поэтов Вольфрама фон Эшенбаха и Кретьена де Труа, сочинивших легенду о Граале, он почти поверил в волшебные свойства этого камня, способного, согласно легенде, лечить любые болезни.

Дело в том, что любимую матушку Жеральдин мучили сильные головные боли, она чахла прямо на глазах, и поскольку медицина XIII века не продвинулась дальше применения пиявок и кровопускания, бедная женщина пребывала в отчаянии, надеясь только на чудо. Это чудо, по мнению Эрика, и должен был явить Грааль.

Но камню так и не суждено было попасть в дом мадам Брейтон на бульваре Сан-Мишель. Эрика Флеффри, студента факультета искусств, на перекрестке улиц сбива мчавшаяся невеста куда карета. Он ударился головой о мостовую и тут же испустил дух. Камень украл некий Клод Балле, который нагнулся над распластанным на мостовой Эриком, заметив у него в руке что-то блестящее.

В тот же вечер Клод Балле отправился на Монмартр, где его приняла в свои объятия куртизанка Жозетта Декруа, которая и получила красивый камешек в качестве платы за свои услуги.

Малышка Жозетта сразу смекнула, что доставшаяся ей драгоценность поможет ей выпутаться из того дерьма, в котором она пребывала, каждый день продавая свое тело за гроши. И фламандский нюх ее не подвел. Вернувшись, некоторое время спустя, из Парижа в родной город Брюгге Жозетта продала камешек пражскому купцу, который дал ей за него хорошие деньги. Бывшая куртизанка купила себе домик и открыла лавку по продаже разного снадобья. Никто больше не называл ее малышкой, и она почувствовала себя настоящей госпожой, когда женила на себе лавочника из Брюгге, что позволило им объединить их маленькие капиталы.

О Граале вновь вспомнили в эпоху чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV Люксембурга, деятельность которого во многом определила в XIV веке расцвет чешской культуры и государственности. Чех по матери, Карл Люксембург, в отличие от отца Яна Люксембурга, предпочитавшего Чехии Францию и путешествия по другим странам, любил Чехию и сделал все возможное, чтобы его правление способствовало ее экономическому и политическому подъему. В Праге был открыт университет и началось строительство комплекса Новый град. В тридцати километрах от Праги, на скалистом берегу реки Бороунки был построен замок Карлштейн, что в переводе с немецкого означает «Карлов камень». Там король-патриот разместил сокровища Священной Римской империи, королевские регалии и христианские реликвии, которые он собирал по всему миру.

С Францией Карла IV связывали тесные родственные связи. Его родная тетка, сестра Яна Люксембурга, была супругой брата французского короля, и сам Карл много времени в детстве проводил в Париже. Поэтому не было ничего удивительного в том, что французский король подарил Карлу IV два терна из венца Христова, которые хранились в церкви Сан-Шапель в Париже. В Мантуе в монастыре бенедиктинцев чешский король приобрел губку, которой смачивали губы висящего на кресте Иисуса, а также большой обломок этого самого креста с отверстиями от гвоздей. А копьё Лонгина перешло к нему от прежних императоров, должность которых в Священной Римской империи, объединившей много земель, была выборной.

Впрочем, никому доподлинно не было известно, то ли это копьё, которым пронзили тело Христа. Дело в том, что в средневековой Европе в те времена любая христианская реликвия ценилась дороже золота. И предметов, имитирующих подлинные христианские реликвии, по всей Европе расплодилось немало. Но Карл IV не жалел ни денег, ни времени на то, чтобы отыскать и собрать в одном месте все, что считал важным и нужным.

Не хватало той самой чаши, которую средневековые поэты называли Граалем и которая хранилась ранее в соборе Святой Софии в Константинополе. И Карл IV разослал гонцов по всей империи, суля тому, кто найдет и принесет ему Грааль, огромное вознаграждение.

И чаша, действительно, вскоре нашлась. Ее привез из Амстердама потомок той самой семьи жонглеров-музыкантов, происходивших от южнофранцузских катаров. Камень, украшавший когда-то чашу, нашелся еще ближе, в самой Чехии. Он осел у одного пражского бюргера, который и принес его на показ сначала в университет, а потом в королевский дворец. Король, действительно, сдержал свое обещание и щедро вознаграждал всех, кто доставил ему детали реликвии.

Теперь желанный им Грааль был в его руках. Камень, который когда-то носил в качестве талисмана окситанский рыцарь Себастьян де Мазурик, снова соединился с чашей. Все собран-

ные Карлом IV реликвии были размещены в капелле Святого Креста, которая находилась в Большой башне замка Карлштейн. Женщин в эту капеллу никогда не пускали, поскольку персоны женского рода в Средние века в среде католиков считались заведомо греховными существами.

Замок был построен по многоуровневому принципу. По замыслу Карла IV, видевшего в своей любимой Чехии преемницу Палестины, Карлштейн представлял собой имитацию Святой горы в Иерусалиме, по которой паломники должны были подниматься, преодолевая ярус за ярусом. На самом нижнем уровне был построен внешний двор, где слуги занимались хозяйственными работами. Там также располагалась колодезная башня, которая нависала над рекой.

В XV веке, когда чуть ли не вся Чехия поднялась на борьбу против засилья католической церкви, объявленные Папой Римским еретиками табориты осадили замок Карлштейн, в котором хранились сокровища чешской короны. На знаменах таборитов была изображена та самая чаша Священного Грааля, которую воспевал средневековый Запад. Иногда рядом с чашей можно было видеть еще и гуся в память о сожженном на костре инквизиции Яне Гусе, бывшем ректоре Пражского университета, который открыто обличал нравы развращенного всевластием духовенства, требовал реформы Церкви, выступал против немецкого засилья в Чехии.

Делом принципа для таборитов было добыть этот самый Священный Грааль, хранившийся в стенах Карлштейна, чтобы использовать его силу в своей борьбе за свободную Чехию. И они шесть месяцев стояли под замком, безуспешно пытаясь сокрушить его стены каменными ядрами. Когда табориты сняли осаду Карлштейна, мало кто знал, что в последний момент слуге бургграфа замка Мирко Татичку все-таки удалось передать им Грааль.

Еще в детстве, лазая с собакой по окрестностям замка, Мирко обнаружил заброшенный подземный ход, выведивший из башни к реке, и никому об этом не сказал. Когда начались гуситские волнения, он, который как и многие другие чехи ненавидел церковников и немцев, решил выкрасть заветную чашу из капеллы Святого Креста.

Мирко верил, что чаша поможет его народу победить, и не побоялся рискнуть ради этого своей жизнью. Его смертельно ранили выстрелом сверху солдаты, которые обороняли замок. Но чашу Мирко все-таки передал одному из таборитов, хотя так и не успел ничего рассказать о тайном подземном ходе, который мог открыть гуситам дорогу в замок.

Табориты отступили, так и не захватив замок, но с чашей. И еще двенадцать лет они стойко сопротивлялись врагу, пока не были разгромлены под местечком Липаны на севере Чехии. После поражения в этой битве отряд таборитов под руководством гетмана Яна Рогача из Дубы еще удерживал несколько месяцев крепость Сион недалеко от Липан, отражая атаки противника. Когда Рогачу стало ясно, что больше держать осаду крепость не сможет, он приказал табориту Томашу Желенке спрятать Грааль, зарыв его в землю под стенами крепости, что тот и исполнил. После того, как крепость пала, Рогача и других захваченных в плен таборитов привезли в Прагу и казнили. Томаш Желенка погиб в бою. А часть таборитов отошла в Словакию, где поддержала восстание тамошних крестьян.

Много позже, уже в социалистической Чехословакии, на месте разрушенной крепости Сион проводились археологические раскопки. В составе экспедиции был и очевидец событий весны 1968 года студент Ярослав Муриц. Он хорошо помнил, как советские танки шли по Праге, где мирное население выступало с демонстрациями протеста против введения советских войск. Он помнил, как вместе с мамой и маленькой сестрой попал под разгон этой самой демонстрации, и мать погибла под дубинками чешских полицейских, прикрывая дочь. И Ярослав люто ненавидел не только СССР, но и покорное ему чешское правительство. Возможно именно это обстоятельство коренным образом повлияло на весь ход дальнейших событий.

Окончив исторический факультет Карлова университета в Праге, Ярослав Муриц устроился на работу в Институт археологии. Он женился по страстной любви на однокурснице, но

с течением лет любовь остыла, появилось четкое осознание того, что они с женой совершенно разные и, более того, чуждые друг другу люди. Михаэла Мурицова вместе сыном Яном после развода переехала в Карловы Вары, где вновь вышла замуж.

Муриц-младший на дух не переносил своего отчима и коротал время между Карловыми Варами и Прагой, нередко навещаясь к отцу. Вот и сейчас он пришел к нему на улицу Желевского, намереваясь задержаться у него на несколько дней. Яну было двадцать лет, и он только что окончил профессиональную школу. В этой школе он основательно подсел на наркотики, о чем отец только догадывался. Ярослав, впрочем, предпочитал делать вид, что ничего не замечает, когда искоса бросал взгляд на синюшную физиономию своего отпрыска. Он полагал, что во всем виновата Михаэла, лишившая его возможности ежедневно видеть и воспитывать сына, за которым и сама должна была неусыпно следить.

А Ян, кое-как поддерживая разговор с отцом, трепетал в жутком нетерпении. Ему позарез нужны были деньги, поскольку тот дилер наркотиков, который еще совсем недавно безропотно прощал ему все долги, вдруг поставил его на счетчик, теперь на кону стояла жизнь, которая ему еще была не безразлична. Ян знал, что в шкафу у отца хранится какая-то старинная ваза, о которой он почти ничего не знал, но полагал, что за нее можно выручить немалые деньги.

«Если ее продать, – думал Ян, – можно не только рассчитаться с долгами, но еще и покайфовать, было бы желание».

– А помнишь, ты как-то рассказывал, как привез из экспедиции какую-то вазу? – спросил он у отца, который сосредоточенно набивал трубку табаком, не поднимая глаз на сына.

– Да, из раскопок возле Кутной горы, на месте Сиона, а что? – ответил Ярослав.

– А почему ты не сдал это барахло вместе со всем прочим хламом в музей? – продолжил расспросы сын.

Ярослав задумчиво затянулся табачным дымом, вспоминая, как тогда, когда все его коллеги ушли на обед, он остался на месте раскопок и случайно обнаружил нацарапанный на одном из камней крестик. Что-то подсказывало Мурицу, что под этим камнем таится нечто весьма значительное. И это нечто, словно диктуя ему свою волю, заставило его вернуться в раскоп в выходной день, когда там никого не было. Под меченым камнем он обнаружил тот самый предмет, который его сын назвал вазой.

– Ты знаешь, – пробурчал Ярослав, – я решил, что эти чертовы мокрицы не достойны того, чтобы владеть этим сокровищем.

У Мурица-младшего загорелись глаза.

– Сокровищем? – переспросил он, стараясь не выдать свой интерес. – И что же ценного в этом хламе? Извини, конечно, если я задеваю твои чувства, может, я чего-то не понимаю.

– Да, ты не понимаешь, – ответил Ярослав. – Эта, как ты говоришь, ваза относится к эпохе как минимум Карла IV. Четырнадцатый век.

– И что? – продолжил допытываться Ян.

– А то, что если это, действительно, Грааль, то эти грязные свиньи-коммунисты, которые были тогда у власти, просто недостойны были им владеть, – раздраженно фыркнул отец.

– А сейчас чего бы тебе ее не сдать капиталистам или кто там сейчас сидит на троне? Власть же сменилась, – продолжал спрашивать отца Ян.

– А эти уроды тоже ее недостойны. Предали все идеалы 68 года. И жрут сейчас дерьмо, принимая американские и западные подачки, – злобно пыхнув трубкой, ответил Муриц-старший.

После этого Ян перевел разговор на иное, вспомнив некоторые смешные события из своего детства.

Когда отца не было дома, он открыл заветный шкафчик и попросту стащил ту штукину, о которой шла речь.

«Черт с ним, с отцом, и с его идеалами, – думал Ян. – Я и без него обойдусь».

Первым, к кому он обратился за советом, был его приятель Ирка.

– Не-е-е, – сказал Ирка, – к специалистам нельзя, сходу изымут и отдадут государству в музей. А тебе влепят штраф за попытку укрывательства исторического материала. Да и папочке твоему, если ты расколешься, придется повертеться на раскаленной сковородке. Где взял, мол... а? Что скажешь?

– Я не расколюсь, – ответил Ян.

– Я не о том. По-хитрому надо.

– А как?

– Спустим вазу по частям. Расплавим ее. Она же, вроде, из серебра. А камень выколу-паем.

– А потом?

– Потом серебро продадим ювелиру. Слиток ведь не проследишь. А камень... есть у меня на примете один человек.

– Что за человек?

– Да, один новый русский, я тебя с ним познакомлю, у него дом в Карловых Варах.

– Богатый?

– Я думаю, да...

– А ты его откуда знаешь?

– Да я ж к нему из «Эскорта» девочек провожаю на дом.

Приятель Яна Мурица, Иржи Седличек, работал по найму в пражском ночном клубе, принадлежавшем компании «Эскорт», которая поставляла девушек как для сопровождения клиента, так и для совместного с ним времяпровождения в ночное время суток. В 2007 году в Чехии был принят закон о легализации проституции, и этим ремеслом в тамошних краях теперь занимались на вполне законной основе.

– И что, он камень купит? – спросил Ян, имея в виду русского.

– Я думаю, что да, – ответил Ирка.

– А откуда ты знаешь?

– Деньги всегда дает сверх чаевых. Видно, что не жадный. Русские – не то, что немцы. От тех жмотов и положенного геллера не дождешься. Козлы. А русские ничего. Живут на широкую ногу, соря деньгами. Он по-моему... того... из криминальных кругов... только там, у себя в России... По-любому не заложит. Сам в случае чего и проверит, что и сколько стоит. У него ж есть, я думаю, выход на экспертов. Ну что, идет?

– Идет, – ответил Ян. – А когда ты меня с ним сведешь?

– Давай для начала камень отколем от вазы. А завтра я с этим парнем переговорю, и мы с тобой подъедем, куда скажет. Представлю как прабабушкино наследство. Типа дворянка она и в какой-нибудь Франции жила в эмиграции. Он и клонет. А дальше все, как в жизни: типа ее муж что-то стащил сто лет назад, боимся, что в музей сдать заставят и денег не получим.

– Легенда – о'кей. Просто замечательно. Давай еще по одной. Можно? – и рука Яна потянулась к папиросной бумажке и пакетику с марихуаной, которые принадлежали его другу.

– Давай, – кивнул Ирка. И они оба зашуршали бумагой, сворачивая себе по новому косяку.

Два дня спустя им назначили встречу, но не дома у русского, а в одном из ночных баров в центре Праги.

За столиком в затемненном углу сидел широкоплечий здоровяк, поглядывая искоса на молодых людей. Он специально выбрал такое место, где его трудно было разглядеть.

– Вот. Это тот самый Ян, – представил Иржи своего друга, – о котором я вам говорил.

– Хорошо, показывай, – сдержанно ответил русский.

Ян аккуратно достал из кармана камень и положил на столик.

– Ясно. Сколько?

Ян пожал плечами.

– Тысячи три евро в кронах по курсу. Или... нет, четыре тысячи, – поправился он, когда сидевший рядом приятель толкнул его коленом.

– Хорошо, завтра в пять часов я вас жду возле Музея с камнем. Поедем ко мне.

– К вам? – попробовал было усомниться Ян.

– Тебя что-то не устраивает? – косо глянул на него русский.

– Нет, все о'кей, все о'кей, – подхватил разговор Иржи. – Мне тоже приходится?

– Да. Еще вопросы есть? – уточнил русский.

– Нет, нет, спасибо за то, что встретились с нами, – сказал Ирка.

– Тогда чего ждем? – небрежно заметил русский, бросив на приятелей пристальный взгляд.

– Да, – быстро поднялся и потянул за собой товарища Иржи. – Мы пойдем. До свидания.

– До свидания, – сказал, поднимаясь, Ян.

Русский им ничего не ответил.

На следующий день в пять часов дня, к площади возле пражского Музея, где как обычно собиралась уйма праздно шатающихся молодых людей, подкатил черный «крайслер» последней модели с чешскими номерами и затемненными стеклами и подобрал двух чешских юнцов. С тех пор больше никто из знакомых Яна и Иржи их не видел.

Через пару дней вездесущие туристы наткнулись в лесном массиве на два сожженных трупа. Тела были обезображены настолько, что узнать, кому они принадлежали, не представлялось никакой возможности.

Глава вторая

Сейчас или никогда

Кажется, кто-то из философов, возможно Ницше, заметил, что если долго смотреть в темноту, она постепенно начинает проникать в тебя, занимая все больше и больше места. И тут главное – вовремя остановиться, чтобы она полностью тебя не поглотила. Вот такая странная мысль пришла журналистке Насте Прокофьевой в голову, когда она проснулась ночью.

В детстве она любила выдумывать различные истории с участием нескольких действующих лиц. И рассказывала их вслух, произнося поочередно реплики то за одного, то за другого героя. В четвертом классе ей вырезали аппендикс, и она побывала в другом мире. Там было неприятно. Сначала у нее в глазах потемнело, потом вспыхнул яркий свет, и она была облаком, плывущим по бесцветному небу, совершенно беззвучно...

Мама потом вспоминала, что Настю долго не могли разбудить, и они с папой по очереди сидели в палате, куда ее привезли после операции, не отходя от нее ни на шаг. Они боялись, что Настя умрет.

Самое странное, что все это – аппендицит, операцию – десятилетняя Настя видела наперед, проснувшись ночью в поту с болью в животе. Пока родители только решали, нужно ли везти ее в больницу, она уже знала, что из нее будут что-то вырезать. Тогда аппендикс чуть было не лопнул, еще бы чуть-чуть – и крышка, но все обошлось. С тех пор маленькая Настя долго еще всякий раз, оставаясь наедине сама с собой, шупала свой живот, сжимая его, как это делал доктор: болит, не болит. Насте очень не хотелось снова заболеть, чтобы случайно не умереть.

Открыв глаза в три часа ночи двадцатисемилетняя Настя снова вспомнила все эти странные ощущения и детские страхи. В детстве ей казалось, что все плохое в своей жизни она сможет предотвратить. С этой верой и продолжала жить. Да, философ прав: нужно остановиться, чтобы тьма не поглотила.

Перед тем, как Настя проснулась, ей снилось нечто очень странное. Она взяла блокнот, всегда лежавший на столике подле дивана, и записала коротенький рифмованный текст, в котором фигурировало слово «лазурит». Бросив взгляд на мобильник, она подписала под текстом: «11.09.2008, четверг, 3 ч 12 мин. Пришло во сне», положила блокнот и ручку и задумалась.

Можно умирать от болезни, от голода или от ран, полученных на войне, а можно – от бездуховности, которая, липкой заразой опутывая бытие, изнашивает жизнь. И каждый инфицированный ею уже не живет, а существует, тащится по жизни как заведенная механическая кукла, не отдающая себя отчета в том, что и, главное, для чего он делает. Вот в этакую-то куклу превратилась и она сама, когда в какой-то момент перестала различать, что такое хорошо, а что такое плохо.

Утром, настроив себя для решительных действий, Настасья пошла в редакцию своей газеты и швырнула на стол редактору последний репортаж с места криминальных событий вместе со сделанными ею же фотографиями. К ним прилагалось заявление об уходе.

– Все, – заявила Настя редактору. – Я увольняюсь. Прикажите в бухгалтерии, чтобы выдали мне расчет. Гонорар за последний репортаж отдадите после публикации.

– Не понял, Прокофьева! Ты че, охренела? Ничего я приказывать не буду. Иди – спи дальше. Ты все равно опоздала с материалом в номер, – ответил Ян Малков, редактор газеты «Камни Петербурга», которую сам же и создал. Затянувшись сигаретой, он выпустил в сторону Насти струйку дыма.

Капиталом на открытие собственной газеты предприимчивого Малкова снабдил некий спонсор из Прибалтики. «Фирма веников не вяжет», – любил повторять молодой редактор.

Название газеты, штатным сотрудником которой пока еще числилась Настя Прокофьева, он придумал сам, чуть изменив название одного из альбомов Данилы Петухова.

– Петухов, конечно, еще та штучка, но мы его переплюнем, – обмолвился как-то Малков. И одно время, будучи на подъеме, газета «Камни Петербурга», действительно, побила все рейтинги популярности. Ее полосы пестрели привлекательными для обывателя материалами об убийствах и бандитских разборках, инцесте и малолетней проституции, о насилии в детских домах и школах, репортажами из жизни геев и лесбиянок, наркоманов, воров в законе и так далее. Все это сопровождалось красочными иллюстрациями.

То, чего найти в обыденной жизни было затруднительно, высасывалось корреспондентами газеты из пальца. Пользуясь приемами своего кумира, прославленного теоретика и практика американской прессы Джозефа Пулитцера, который в качестве основных моментов, привлекающих к прессе читателя, называл убийства, секс и наркотики, Малков из Петербурга Гоголя и Достоевского лепил Петербург новых русских. Животрепещущие интервью с проститутками редактор предпочитал стряпать сам, выступая под псевдонимом «Двуликий Янус».

– И чего ты завелась, Прокофьева? Давай лучше на свингер-пати в субботу закатимся. Расслабишься. Отдохнешь. Приглашаю. Ну как? – продолжил общение с сотрудницей Ян Малков, протягивая руку, чтобы похлопать ее по заду.

– Иди ты... – треснула она его по руке, а затем развернулась на сто восемьдесят градусов и рванула к выходу.

Мчась по редакционному коридору мимо стоявшей с сигаретой в зубах коллеги по цеху, фотокорреспондента Моники Вечерковской, имя которой дали, вероятно, в честь Моники Левински, Настя со злостью бросила ей:

– Привет, Моника. Зайди к Малкову, может, получишь то, о чем мечтаешь. Ему для свинга пара нужна. Эх, мать вашу, свиньи.

В этот момент Настя самой себе напомнила озверевшую мегеру. Она стрелой сбежала по ступеням лестницы вниз, едва не поскользнувшись на одной из них, и громко хлопнула дверь, уловив напоследок истошный вопль обиженной Моники Вечерковской:

– Ду-у-ра!!!

– От дуры слышу. Свингер-пати – надо же. Вот уроды! – отпарировала Настя. – Окрестили групповуху свингом, тоже мне, джазмены недоделанные.

– Fucking gruppen-sex! – вновь выругалась она, идя по направлению к набережной Фонтанки и злясь уже на саму себя. – Все не так, как у людей, как сказала бы моя мама. Уволиться с работы нормально – и того не смогла. Вся жизнь превратилась в групповой секс – ты со всеми и все с тобой. – Ох, какая же я идиотка, что до сих пор торчу в этом дерьме. Свингеры сраные...

Впервые Настя услышала про вечеринки с групповухой на первом курсе журфака, когда они с подругой и однокурсницей Зинкой Фроловой рванули на каникулы в Москву. Зинка два года подряд поступала на журфак в МГУ и дважды не прошла по конкурсу. Москва была ее мечтой, а все москвички – ах, лучше некуда. К одной из таких, гриновской Ассоль, по словам Зинки, подсевшей в детстве на творчество писателя Александра Грина, они и направлялись. С этой самой московской Ассоль по фамилии Гринева, – что вызывало дополнительные ассоциации – Зинка поступала на журфак МГУ. Только та в отличие от Настиной подруги в университет тогда поступила.

Марина Гринева произвела на Настю впечатление приятной и даже, как ей показалось тогда, скромной девушки, о чем она не замедлила поведать Зинке на обратном пути, на что та сделала большие глаза:

– Да-а-а, а ведь недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся. А ты зна-а-ешь, что эта самая Маринка сделала?

В общем, Фролова рассказала, что ее гриновская экс-Ассоль, побывав на вечеринке, где практиковался группен-секс с темнокожими иностранными студентами, забеременела и

родила мальчика-мулата. И вынашивала она его тайно, взяв академотпуск на год. А потом они с мамой, той самой Валентиной Ивановной, которая угощала их пирожками на кухне и мило так с ними беседовала, отдали этого самого ребенка в дом малютки, а Марина спокойно продолжила обучение престижной профессии в престижном вузе, – кажется, она была на отделении международной журналистики. И как это можно было отказаться от своего сына?.. И что она за кукушка такая? – разорялась тогда Зинка. И ладно бы ее сердечно трогало то подлое деяние, которое совершила Гринева. Ведь нет – просто посплетничала. А вот это посплетничать – бывшая подруга Прокофьевой страсть как любила. Впоследствии, когда они с Настей разошлись в разные стороны, она с такой же искренностью поносила и ее по поводу и без повода.

Фролова впоследствии «продвинулась» на ниве «порножурналистики», но до известности корреспондента «Комсомольской правды» Дарьи Аслановой, прославившейся в свое время «Записками дрянной девчонки», которая была ее кумиром, развернуться ей так и не удалось. Питер не Москва, размах не тот, а может просто не судьба была. Это позже Настя поняла, что отнюдь не все из описанных той же Аслановой журналистских секспохождений было правдой, или даже, возможно, ничего из этого правдой не было, но ради повышения популярности, а значит и зарабатывания денег, вполне могло стодиться. Однако для Зинки подобные «шедевры» «публицистического» жанра были как красная тряпка для быка. И, повергая знакомых в шок, Фролова на полном серьезе устраивала сексуальные похождения то с неграми из студенческого общежития, то с различными кандидатами в депутаты, а потом описывала их в различных желтых газетенках, смакуя сексуальные подробности.

Не обошла вниманием Зинка и редакторов, заместителей редакторов и постоянных корреспондентов всевозможных изданий. Ко второму курсу всюду у нее были знакомые, со всеми она переспала, всем таскала свои и Настины статьи. Это называлось «пробивать материалы»: нужно было, чтобы кто-то в редакции их толкал, напоминая редактору о необходимости публикации, не давая им залеживаться, что называется, «на столе». Такова была стратегия Зинки, только почему-то она не сработала. С третьего курса Фролову поперли из университета, и она перестала рыхлить ниву журналистики, занявшись чем-то более для нее насущным.

Как оказалось позже, Зинка стала бандершей одного из виртуальных публичных домов Санкт-Петербурга. Сайт в Интернете, координацией которого занялась бывшая студентка факультета журналистики, так и назывался «Мамочка Петербурга». Из него помимо рекламных объявлений об услугах девочек и мальчиков можно было почерпнуть информацию о всевозможных аспектах сексуальной жизни, которые Зинка описывала, давая полную волю своей эротической фантазии. Ее журналистские таланты весьма пригодились ей в подготовке информационных блоков и описательных статей. Поскольку сайт был полуофициальным, персоналиям Зинки, как и всех его основателей, нашлось место в милицейской картотеке.

Настя Прокофьева даже не удивилась, когда однажды в одном из интервью Малкова наткнулась на историю своей бывшей подруги, которая рассказывала о своем прошлом, настоящем и планах на будущее. «Редактор порносайта Зиночка Мармеладова, готовая сообщить все о своей жизни и даже показать лицо», – значилось в предисловии к материалу. Фролова не постеснялась предоставить даже собственное фото ради такого пиара.

– Ну-ну, – усмехнулась Прокофьева, оценивая этот материал, – это как раз в ее духе. В темных очках и в парике, главное – чтобы на первую полосу газеты.

Настя Прокофьева сама была не без греха, чего уж тут скрывать. Несколько эпизодов она хоть сейчас с искренним облегчением вычеркнула бы из своей биографии. Хвала аллаху, что было их не так уж и много. Да и с работой у нее что-то не заладилось. Просто в какой-то момент ей захотелось жить не в нищете, а в хотя бы относительном комфорте, а для этого пришлось поступиться некоторыми принципами.

Нормально платили за чернуху, и Настя нанялась в газету Яна, где специализировалась на криминальных репортажах. Ко всему прочему она еще и сама вела фотосъемку, совмещая

работу репортера и фотокорреспондента. Настя любила фотографировать, но зверская расчлененка или убогий антураж наркоманских или бомжацких притонов не только не вызывали у нее приливов вдохновения, но за три с половиной года работы в «Камнях Петербурга» успели набить оскомину до такой степени, что она готова была блевать при виде всего этого безобразия.

Один молодой врач, знакомый Прокофьевой, рассказывал ей, что во время работы в морге, когда ему и его коллегам приходилось изо дня в день практиковаться на трупах, доходило до того, что одной рукой они резали мертвецов, а другой подносили ко рту бутерброд. Настя так бы не смогла. Все это мерзкое зрелище, как в жизни, так и на пленке, для нее было равносильно медленному убийству самой себя. Очерствение с регулярной дозой «отупина» – такой диагноз поставила она себе.

«Прокофьева, одумаешься, милости просим. Только сначала извинись. Можно письменно. Двудликий Янус», – таким было содержание SMS-ки от шефа, которая заявила о себе ритмичным брэнчанием в кармане Настиного пиджака. Ее она прочла автоматически.

– Пошел ты... Двудликий Анус, – вновь выругалась Настя. – Надо положить крест на всем этом дерьме. Сейчас или никогда.

К «Камням Петербурга» Настя решила не возвращаться. Правда, нужно будет зайти в офис через недельку-другую – когда в газете сами рады будут с ней распрощаться – чтобы забрать деньги. Такое она уже проделывала пару раз – просто исчезала на несколько дней, когда надоедала старая работа, а потом приходила и увольнялась по обоюдному согласию сторон.

– Ха, – подумала Прокофьева, вспомнив свой последний, еще не напечатанный репортаж, – надо же, как все взаимосвязано.

В репортаже, касавшемся личности недавно ограбленного и возможно убитого Льва Штайнера – известного питерского коллекционера культурных ценностей и тележурналиста, Настя попыталась самостоятельно составить картину произошедшего, встречаясь и беседуя с его бывшими коллегами и товарищами по цеху.

Самого Штайнера Настя, что называется, вживую никогда не видела. А телеканал «Искусство», на котором тот работал, терпеть не могла, презирая за косность и отсутствие творческого подхода в подготовке материалов.

– Фу, – тряхнула головой Настя, – как вспомню, так вздрогну... бр-р-р... дерьмо какое.

Дело в том, что вторую половину вчерашнего дня она провела в уголовном розыске, сидя в кабинете рядом со следователями, которые один за другим ставили изъятые при обыске квартиры Штайнера диски с порнографией. Этот порноматериал предназначался для сугубо гомосексуально ориентированной аудитории.

По официальной версии, Льва Штайнера убили, предварительно обчистив его квартиру, лица одинаковой с ним нетрадиционной сексуальной ориентации. По всей квартире словно напоказ были разбросаны презервативы. А на полу в ванной комнате вместе со следами спермы были обнаружены следы чьей-то крови. Судя по результатам проведенной экспертизы, кровь принадлежала Штайнеру, что и вынудило следствие предположить, что его убили или, как додумалась уже сама журналистка, изнасиловали с нанесением тяжких телесных повреждений.

Пожилый майор Геннадий Сергеевич Якименко, который вел дело по ограблению квартиры и предполагаемому убийству Льва Штайнера, корректно посоветовал Насте сменить сферу интересов, писать, к примеру, о моде или погоде, но на нейтральные вопросы все же ответил.

Километрах в сорока от Питера по Мурманскому шоссе был обнаружен в разбитой машине чей-то обгоревший труп. Опознать его пока не удалось, но следы крови на багажнике, как оказалось, принадлежали ограбленному накануне Штайнеру. Из этого следствие сделало вывод о вероятности убийства с целью ограбления коллекционера, чей труп возможно и покоился в обугленном салоне легкового автомобиля.

Следствием активно разрабатывалась также версия убийства из личной мести: мало ли кого успел соблазнить старый педераст. Поэтому во всю шел опрос свидетелей. Нахально заглянув в кабинет следователя, Настя узнала в опрашиваемом парне альпиниста Мишку Косача, с которым она три с половиной года назад, как раз перед расставанием с прежней работой, ходила в туристический поход под Житомир. По возвращении на родину она с этой самой туристической компанией больше не пересекалась. Какие-то они, туристы эти, одноклеточные – вывела она для себя, забыв к ним дорогу.

И вот этот самый Мишка с большими круглыми глазами сидел в кабинете следователя Геннадия Якименко. И по всему было видно, что ему весьма не по себе. Настя тихонько прикрыла за собой дверь, оставшись незамеченной, и помчалась дальше. Теперь же, слегка поразмыслив, Прокофьева подумала, что зря себя вчера не тормознула: Мишка Косач мог знать что-нибудь интересенькое про этого Штайнера, чем можно было бы приукрасить материал, чтобы перепродать свой последний репортаж в другое издание: деньги ведь не помешают в любом случае. С другой стороны, подумала Настя, Мишку и сейчас не поздно разыскать, благо его адрес она помнила. Память ее еще никогда не подводила. Тем более, что такого рода расспросы желательно проводить подальше от стен милиции.

– Ладно, – решила Настя, – поскольку это недалеко, забегу-ка я к Косачу прямо сейчас.

Было около четырех часов дня, но интуиция ее не обманула: Миша оказался дома – у него как раз был выходной.

– Привет. Как дела? Можно к тебе? – спросила Прокофьева, когда Косач открыл дверь и застыл в недоумении на пороге.

– Что, не узнаешь? – улыбнулась журналистка. – Расслабься – это не грабители. Это всего лишь я, Настя, твоя старая знакомая. Помнишь Житомир... скалы...

– Да помню, помню, – перебил ее Косач.

– Так мне войти или ты сам ко мне выйдешь? – спросила Настя. – Может, на скамеечке присядем во дворе, поговорим?

– Нет, проходи. Здравствуй. Какими судьбами? – хмуро поинтересовался хозяин, пропуская ее в прихожую.

– Да вот шла мимо, решила заглянуть, – завела было привычную песню Прокофьева, но тут же одумалась. – На самом деле я тебя видела вчера.

– Где? – удивленно посмотрел на нее Мишка.

– Отгадай с трех раз, – хитро прищурилась Настя. – Спорю – не отгадаешь.

– Не отгадаю, – кивнул головой Мишка.

– Ладно, скажу, – сказала Настя, сохраняя прищур. – В милиции, в кабинете следователя. Я спешила, поэтому не стала тебя дожидаться, чтобы поздороваться. Чего смотришь, как баран на новые ворота? Это я заглядывала в кабинет на секунду. Хотя, возможно, ты и не обратил внимания.

– Да-а-а, я там был вчера. Но тебя не заметил. А ты-то как там оказалась? – спросил озадаченно Мишка.

– Я же в газете работаю. Интервью, репортажи и все такое прочее. Так можно мне присесть? В ногах, как говорится, правды нет.

– А ты знаком со Львом Штайнером? – продолжила она, когда Мишка поставил на стол чашки для чая.

– Нет.

– Как нет? А зачем же тебя вызывали в уголовный розыск? Этот следователь ведь допрашивал свидетелей по делу погибшего тележурналиста, – сказала Настя и тут же пошла на попятную: – Извини, если что не так. Может, у тебя самого что-то случилось, а я к тебе пристаю со Штайнером. Я, ты же понимаешь, плотно сижу на этой теме...

– Нет, у меня ничего не случилось. Просто я... – похоже, Косач затруднялся с ответом. Чувствовалось, как в нем росло напряжение.

– Ты что, не один? – не отставала Настя, заподозрив, что за стенкой, в гостиной, куда она не заглядывала, кто-то прячется.

– Нет, я один. Но ко мне скоро придут, – сознался, наконец, Михаил.

– Тогда проводи меня, – стояла на своем Прокофьева. – По пути как раз мне все и расскажешь.

– Да нечего рассказывать, – махнул рукой Косач. – Понимаешь, я как-то выступал в программе у Штайнера, а потом был у него дома в гостях. И все.

– И все? – переспросила Настя. – И это ты сказал следователю?

– Да. Он снимал у меня показания, потому что нашел мои координаты в записной книжке Штайнера.

– А о чем шла речь в программе? – спросила Прокофьева.

– Ты разве не смотришь телевизор? – удивился Мишка.

– Тот канал, где работал Штайнер, нет, – отпарировала Прокофьева. – Так о чем программка была?

– Ну, в общем, когда мы с ребятами были в Хибинах на Кольском полуострове, я нашел там кое-что... – Косач снова замялся.

Но Настя не дала ему увильнуть.

– Что? Что ты там нашел? – живо переспросила она.

– Нечто вроде клада, – неохотно признался Мишка. Ему не хотелось говорить о драгоценностях, которые он случайно нашел в одной из пещер и потом загнал Штайнеру, вместо того чтобы сдать государству.

Дело в том, что незадолго до турпохода Мишки Косача и его команды в Хибины был ограблен горноминералогический музей в Кировске. Грабители вынесли из музея богатейшую коллекцию минералов, среди которых было немало драгоценных камней. Она-то и была спрятана до поры до времени в пещере в Хибинах. Грабители, конечно, никак не предполагали, что их тайник кто-нибудь откроет.

Но Мишку Косача, когда он с ребятами осматривал очередную пещеру, потянуло в то самое место, где были спрятаны драгоценные камни. И, найдя сундучок, он ничего никому не сказал, а вернулся за ним чуть позже, уже после того, как поход закончился и ребята разъехались по домам. Забрав сундучок, Косач отправился в Петербург. К тому времени он был уже знаком со Львом Штайнером и потащил свою находку прямым путем к нему.

Припрятав камешки, Штайнер состряпал материал о сенсационной находке туриста, показав телезрителям пустой сундук с якобы завалившимся на его дне минералом, не представлявшим для коллекционера никакой ценности. По его версии, некие местные жители ограбили музей и вынесли из него минералы, которые потом, вероятно, вывезли за границу. Часть репортажа была посвящена описанию коллекции, от которой в музее остались одни фотографии, другая часть – горным красотам Хибин, а третья – интервью с туристом Михаилом Косачем, нашедшим сундучок, а также беседе с представителями уголовного розыска города Кировска, ведущими дело по ограблению музея.

Штайнер утверждал, что легче всего скрыть тайну, выставив ее на всеобщее обозрение, в чем убедил и Косача. Только Мишка сейчас уже сам был не рад, что дал себя уговорить тогда и согласился на съемки. Теперь ему приходилось отдуваться не только перед милицией, но и перед Настей.

– И что за клад? – не уставала в расспросах Настя.

– Сундучок старый, а в нем один камень. Штайнер этим заинтересовался, вот и сделал передачу.

– Хорошо, а как он на тебя вышел? Как вы познакомились?

– Слушай, я уже не помню. Нас кто-то из знакомых свел, еще до похода в Хибины. Кажется эта была Вероника.

– Что за Вероника?

– Слепая певица. Штайнер о ней делал когда-то материал. Он же на канале «Искусство» работал. А мир тесен. Сама знаешь. Все друг друга знают.

– Ясно, – отмазка была принята. В конце концов, адрес Вероники Настя могла взять на канале, чтобы не доставать Мишку еще и этим сейчас. Тот уже, похоже, готовился послать ее открытым текстом куда подальше.

– Слушай, Миша, последний вопрос. А правда, что Штайнер голубой?

– Ну, наверное... – промямлил Косач.

– Наверное?..

– Да мне так показалось. Мы там сидели, пили и... – по глазам Косача Настя поняла, что Мишке не хочется об этом не только говорить, но и вспоминать.

– Ладно, – сдалась Настя. Ей уже самой стало неудобно, что она впиалась в человека, как пиявка, пытаясь добыть информацию.

«В конце концов, не стоит мучить допросами человека, которому, похоже, так же, как и мне, есть что стирать из памяти. Соблазнил, наверное, Косача этот старпер Штайнер, педик долбаный, а я тут лезу со своими расспросами, что да как. Пусть живет, не мучаясь воспоминаниями, бедняжка», – подумала она.

– Ну, я пойду, – сказала она Мише. – Приятного тебе времяпрепровождения с твоей девушкой. Извини, за тупые расспросы. Это изъяны, как говорится, профессии. Ну, пока?! Будь здоров.

– Пока. – Проводив нежданную гостью до дверей, Миша облегченно вздохнул.

Оказавшись во дворе, Настя остановилась, чтобы подумать. Она достала из сумки сигареты и закурила.

В этот момент к стоявшему во дворе «узику» подошел человек, лицо которого показалось Насте знакомым. Только вот чего-то в нем недоставало или что-то наоборот было лишним. Прокофьева машинально достала из сумки цифровой фотоаппарат, бывший всегда при ней, и сделала пару снимков. Человек заметил, что его снимают, и направился к Насте. Она успела спрятать фотоаппарат, но в тот же миг оказалось в его цепких руках.

– Вы что? Отпустите меня! Вы не имеете права! Куда вы меня тащите? Отпустите же меня, – визжала Прокофьева.

Человек, ухвативший Настю чуть выше локтя жесткой рукой, тащил ее по направлению к машине.

– Что вы делаете? – крикнула журналистка, но получила такой сильный удар по голове в височной области, что тотчас потеряла сознание. Она и не заметила, как оказалась внутри салона, куда ее просто впихнули, как обессиленную куклу.

Машина завелась, тронулась с места и через несколько минут оказалась на безлюдной улице. Примерно в это же время Настя очнулась, открыла глаза, потом толкнула дверцу автомобиля и вывалилась из него на проезжую часть как раз на повороте, когда водитель был вынужден притормозить. Удостоверение на имя корреспондента газеты «Камни Петербурга» Прокофьевой Анастасии Григорьевны, вывалившись из кармана пиджака его обладательницы, осталось в салоне злосчастного «узика».

Настя с трудом поднялась на ноги и поковыляла по направлению к проспекту. Добравшись до автобусной остановки, она вскочила в какой-то автобус и разрыдалась только тогда, когда машина отъехала на изрядное расстояние от места происшествия. Следующая остановка оказалась конечной для маршрута под номером «166». Вечерело.

– Девушка, вам плохо? – услышала она голос водителя.

– Нет, все в порядке, ничего страшного, – вытерла слезы журналистка.

Выйдя из автобуса, она надела темные очки, чтобы не было видно заплаканных глаз и ссадин на лице. Сумка была при ней, фотоаппарат тоже. Прокофьева поймала такси.

– В Купчино, пожалуйста, улица Димитрова. Если можно, быстрее, – сказала Настя таксисту и устало откинулась на спинку заднего сиденья.

«Вот так и началась моя новая жизнь – с расквашенного лица», – подумала Прокофьева и тихонько шмыгнула носом. Ей снова захотелось плакать, теперь уже от жалости к самой себе, такой одинокой, такой покалеченной.

Глава третья

Для того, чтобы жить

Русскую водку Настя ненавидела. Убойная вещь. Выпив водки, она тут же выпадала в осадок. Поэтому этот напиток Настя старалась не употреблять. А вот текила – другое дело. Это спиртосодержащее вещество помогало ей снять стресс и поднимало настроение. Вообще-то из спиртных напитков журналистке больше всего понравился лимонный фернет, которым ее когда-то угощали туристы из Чехии, но его в северной столице не продавали. Да и деньги тратить специально на алкоголь Настя не любила, если что-то и покупала, так разве что на случай появления гостей. Не с чертом же ей, в самом деле, пить, как пел когда-то Владимир Высоцкий. Пьянствовать сама с собой Прокофьева однозначно считала верхом деградации.

Она теперь жила совершенно одна в просторной двухкомнатной квартире на окраине Питера, которую сняла, оплатив проживание заранее за полгода. Причем занимала в ней только одну комнату, а вторая была такой же, какой оставили ее хозяева. У Насти, носившейся днями напролет по городу в поисках материала, просто не хватало ни сил, ни времени обживать еще одно, отгороженное от нее стенкой пространство соседней комнаты. Все, на что ее хватало в этой квартире, состояло в том, чтобы прийти на закате дня, умыться, перехватить чего-нибудь на кухне, если удавалось найти это что-нибудь в холодильнике, и завалиться спать. А утром встать, принять душ, поджарить яичницу, съесть ее, запивая кофе, и снова отправиться на работу. Словом, квартиру Настя не любила.

Но сейчас, после того, что приключилось с ней днем, неудобная квартира показалась ей раем, да и от рюмки водки она не отказалась бы. Прокофьеву просто трясло от происшедшего. У нее не укладывалось в голове, как с ней такое могло произойти. Главное, за что? И кто был этот сумасшедший тип, так дурно с ней поступивший среди бела дня в центре города, чуть ли не на глазах у людей.

Настя достала из сумки свой цифровой фотоаппарат фирмы «Кодак» и соединила его через шнур с USB-портом в ноутбуке. На экране компьютера появились фотоизображения, которые она тут же сохранила в отдельной папке под названием «Бандите».

– Ага, вот эта сволочь, которая меня чуть не угробила, – произнесла она вслух, присматриваясь к экрану.

– Кто же ты такой? – увеличила она изображение. – Вроде что-то знакомое, а с другой стороны – вроде никогда я тебя не встречала, не держала за руку и не разговаривала. Может, случайно у знакомых пересекались? Гм-м... Но где-то же я видела гада. Нет, не могу вспомнить. Что-то мешает.

На фотографии был мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, крепкого телосложения, но определенно не занимавшийся разгрузкой кирпичей или какой-нибудь другой тяжелой работой. Интеллигентное и как бы холеное бородатое лицо, энергичный поворот головы... Ее смущала какая-то деталь в его внешности. Но она не могла понять, какая.

– И все же, где я его могла видеть? – не оставлял ее вопрос. – Что тут не так? Нет, не могу сообразить. Совсем голова не работает. Так саданул по ней, что чуть было вообще ума не лишилась. Сволочь, – выругалась она, глядя на фотографию. – Подонок, садист престарелый. Чтoб тебя переклинило так же, как меня, скотина.

Самое время было рассмотреть в зеркале собственное изображение. Настя подошла к стенному шкафу.

– О-о-о, вот кровоподтек на скуле. Едва заметен, но все же. Хорошо, что по кости пришлось. А если бы в глаз, посадил бы синячище на все лицо. Сволочь, – хлопнула носом Настя, – чуть не изуродовал меня.

Она подняла футболку и посмотрела на свой правый бок, на который пришелся удар при падении из машины. Его словно пропустили через терку.

– Завтра будет гематома на всю спину, – констатировала Прокофьева.

Разбитые коленки, с которых она стащила разорванные джинсы, выглядели устрашающе. То же самое можно было сказать о локтях, не говоря уже об ободранных ладонях.

Настя поплелась на кухню и вывернула на стол аптечку.

– Слава богу, фурацилин есть, – пробормотала она, найдя нужный антисептический раствор в клеенчатой упаковке. – Хоть в аптеку тащиться не надо, и то хорошо. Молодец, что заранее запаслась, – похвалила себя Настя.

Прокофьева знала по опыту, что заражения крови у нее не будет. Она неоднократно, начиная еще с детства, и падала, и разбивала коленки, и все неприятности с нее скатывались, как с гуся вода. Но, исповедуя принцип «на Бога надейся, а сам не плошай», Настя всегда держала при себе аптечный минимум.

С раствором фурацилина и ватными тампонами в руках она и направилась в душ. Там перед зеркалом Прокофьева сначала обработала антисептиком раны, а потом стала под теплый дождик. Чтобы окончательно прийти в себя, ей понадобилось минут двадцать медитации под душем. Минут десять заняла еще сушка волос феном. Затем, переодевшись в чистое белье и накинув халат, она вернулась на кухню и заглянула в холодильник. Остатки текилы, нашедшиеся там, пришлись как нельзя кстати. Они были тут же использованы по назначению.

«Эх, хорошо, да мало, – подумала Настя. – Вот бы пришел кто, принес еще. Было бы самый раз». Сама она, исходя из своего физического и психологического состояния, выходить из дома не собиралась. Но спать ей тоже пока еще не хотелось.

– Боже, сделай так, чтобы кто-нибудь пришел или хотя бы позвонил, – попросила она, обратившись к высшим силам, о которых всегда в случае экстремальных ситуаций вспоминала. – Ну давай, давай – помогай.

Правда, рассчитывать на персональный звонок уже не приходилось. Настин мобильный телефон развалился на части прямо на дороге, когда она столь неуклюже вывалилась из чужого автомобиля. Оставалось надеяться на то, что кто-нибудь из знакомых вспомнит ее домашний номер, что тоже было маловероятно, поскольку она почти никому его не давала, или каким-то чудом появится у нее на пороге. Сама Прокофьева никому звонить не хотела. Было не то настроение.

И чудо не заставило себя долго ждать. Под окном Настинной квартиры, которая располагалась на пятом этаже девятиэтажного дома, раздался храповитый шум мотора не слишком новой машины. А спустя несколько минут послышался звонок в дверь страдальцы Анастасии. Прокофьева сначала даже ушам не поверила.

– Кто бы это мог быть? Принесло же кого-то. А что, если это?.. Да нет, не может быть, тот мужик не мог меня вычислить так быстро. Хотя... – Настя на цыпочках подошла к двери и посмотрела в дверной глазок.

– Жар-птица! – облегченно воскликнула она и гостеприимно распахнула двери.

Что называется, с корабля на бал после вечерней смены с пакетом, нагруженным выпивкой и съестными припасами, к Насте заявила ее не очень старая, но добрая знакомая Жанка по кличке Жар-птица.

Жанку Настя подобрала как-то на улице, когда еще снимала комнату на Суворовском проспекте. Случайно, возвращаясь поздно ночью пешком с какого-то мероприятия домой, она стала свидетельницей расправы, как ей показалось, клиента или сутенера с уличной проституткой, которую тот выбросил из машины в разорванных колготках и всю в слезах.

– Вали отсюда, шваль, х... тебе, а не денег, потаскуха чертова, – крикнул он и хлопнул дверью. А девушка, поскользнувшись, упала, вдобавок еще и разбив коленку. Из ее глаз вновь полились слезы, и она разревелась в полный голос от обиды и боли.

Настя помогла ей подняться на ноги, повела к себе, поскольку проживала тогда в десяти метрах от места уличного инцидента, накормила, напоила и спать уложила.

Умело разговорив эту простую девушку из провинции, которая стала, что называется, на стезю порока, Прокофьева обнаружила в ней добрую, не скурвившуюся душу. Прилипшее к Жанне Птичиной погоняло Жар-птица в принципе правильно отражало то, что она собой представляла. В Жанке Жар-птице жизнь была ключом.

В первый день их знакомства с Жар-птицей Прокофьевой понравилось, как та в ответ на ее вопрос «Почему ты занялась проституцией» заявила:

– Мне было скучно жить в своем маленьком городе. И хотелось праздника, фейерверка каждый день.

В Питере все это она и нашла. Шампанское, веселье, рестораны каждый день. Пусть мишура, пусть пополам с грязью, зато Жар-птице было не скучно. Тусклая жизнь какой-нибудь санитарки, работницы на заводе или уборщицы ее вовсе не привлекала. А никакого дополнительного образования кроме девяти классов базовой школы у Жанки Птичиной, чтобы рассчитывать не большее, не было. Ей этого и не нужно было. За одну ночь она могла получить все, что хотела, если, конечно, не считать ту самую ночь, в которую ее подобрала любознательная журналистка. Но, как говорила Жар-птица: «Раз на раз не приходится, чего тут обижаться. Это же жизнь».

Пройдя на кухню, Жанка Жар-птица вывалила на стол ворох закусок и выставила три бутылки любимой Настиной текилы.

– Оба-на, откуда такие деньги, Жар-птица? – воскликнула довольная исполнением своего желания Прокофьева.

– Живем, подруга, – улыбнулась Жар-птица. – Танцуй и пой, что я с тобой... Где стаканы? – произнесла она с ударением на последнем слого.

Настя достала из шкафчика рюмки.

– Вчера и сегодня, – продолжала свой спич Жар-птица, – обслуживала одного клиента. Бабок немерено... Бандит, но не жадный. Денег дал... много... Так что живем. Сегодня весь «найт» у тебя. Ты не против? – посмотрела она искоса на Прокофьеву.

– Не против, не против, ты мне нужней сегодня, чем я тебе, Жар-птица, – ответила зарумянившаяся от удовольствия Настя.

– Да, я вижу тебя потрепала житуха-то? – заметила, присаживаясь за стол, Жанка. – Кто это тебя? Только не говори, что упала. Я по почерку вижу, что мужик.

– Так, одна сволочь на улице, – ответила Прокофьева.

– На улице? Ночью? – вопросительно посмотрела на нее Жар-птица.

– Нет, не ночью. Как раз среди бела дня. Я его сфотографировала. А он меня видишь как зарисовал? – показала Настя лицо, а затем локти. – Подскочил и чуть не убил. Я так ничего и не поняла. Сначала в машину заволок. Стукнул, я вырубилась. А когда очнулась, открыла дверцу и сиганула на асфальт.

– На всем ходу? – уставилась на нее Жар-птица.

– Нет, он притормозил, – уточнила свой рассказ Прокофьева. – Вот так.

– Странно, со мной такого еще никогда не было, чтобы незнакомый ни с того ни с сего с ходу по голове, – сказала подруга. – Наверное, ему очень не понравилось, что ты его сфотографировала.

– Наверное, – подтвердила Прокофьева. – Это называется нарушение личной неприкосновенности. Только по морде сразу зачем бить? Попросил бы по-человечески, я бы и уничтожила фото. Хотя...

– То-то... – подхватила Жанка. – Тебе тоже не хотелось, чтобы кто-то нарушал твою свободу снимать, где хочешь и кого хочешь.

– Ну, да. Но там все равно что-то не так. Мне кажется, что я его где-то видела. Морда какая-то на вопрос наводящая.

– Тем более. Значит, рыльце у него в пушку, если тебя так саданул. Может, его милиция разыскивает?

– Вполне может быть, – покивала головой жертва нападения.

– А тут ты со своей газетой. И на всю страну. Я бы тоже врезала тебе, будучи на его месте, – сказала Жар-птица. – И попыталась бы забрать эту фотографию.

– Ты бы?.. Да тебя саму... – погладила ее по голове Настя.

– А что, это же документальное подтверждение. Не боишься, что вдруг нагрывает?

– Не боюсь. Как он меня найдет в пятимиллионном городе? Скажи, как? Я могла его видеть случайно. Но то, что я с ним не разговаривала и нас никто с ним не знакомил – в этом я уверена на сто процентов.

– Может, ты и права, – сказала Жар-птица. – Ну да ладно, сейчас будем лечиться. Наливай. И нож, пожалуйста, дай мне – ветчину нарезать. Так, – принялась она раскладывать все по тарелкам. – Пикачики сюда положим. Помидоры туда. Апельсинку порежем на десерт. Хлеб можно ломать... Давай, давай на хлеб, мясо налетай. Я сама так есть хочу. Ты не представляешь. С утра почти ничего не ела.

– А мне кусок в горло не лезет после всего, что сегодня стряслось, – пожаловалась Настя.

– Ничего, ничего. Сейчас пройдет. Это стресс, по-научному называется, мы его быстро устраним. Мы же в этом деле профессионалы, – намекнула на свое повседневное занятие Жанка.

Жар-птица отличалась природной смекалкой и говорливостью. Прямо птица-говорун, так ее тоже иногда называли близкие знакомые, которых у нее, кроме Насти, в этом большом городе на самом деле было раз, два и обчелся. Вот они и жались иногда друг к другу, чтобы согреться и спрятаться от хладнокровия и иногда бездушия окружающих людей.

У Насти так же, как и у Жанки, здесь, в Питере, не было под боком ни мамы, ни папы. Вся ее родня осталась в Выборге, и навещалась чаще туда она, чем они к ней. Но сам Питер они обе любили, и никуда отсюда уезжать не собирались, по крайней мере, в ближайшее пять лет, будучи каждая в своем амплуа.

– Давай за жизнь, – предложила первый тост Жар-птица. – Чтоб она никогда не кончалась. Давай?! Ну, вздрогнули.

– Давай. Стой, подожди секунду, не пей... – перехватила ее руку Настя.

– Что такое? Не бойся, не отравлено. Я покупала знаешь в каком месте? Знаешь? Где, как в лучших домах Парижа. Ну, в общем, проверено. Это тебе не водка, не бойся.

– В том-то и дело, что не водка. Текилу принято пить с лимоном, и солью нужно провести по ободку рюмки. Вот так правильно, – показала Настя. – Теперь и в самом деле, как в лучших домах Парижа.

– А ты откуда знаешь? – спросила, попробовав пить по-новому, Жанна.

– А меня один знакомый угощал в баре, там так делали. Ведь так интересней, правда?

Обе подружки знали, что удовольствия можно и нужно извлекать из мелочей. Жар-птице, конечно же, понравился новый ритуал, и она уже сама принялась проделывать нечто подобное, наливая и опрокидывая одну за одной рюмки текилы. После выполнения столь старательных упражнений с текилой ей стало жарко, и она расстегнула на себе платье.

– Настя, слушай, у тебя музыка есть? Хочу танцевать текилу-джаз, – заявила осолопевшая Жар-птица. – Я танцевать хочу, – завела она низким голосом. – Тащи музыку, Настя.

– «Текила-джаз» есть, но она тебе не покатит, – ответила Прокофьева, имея в виду название питерской группы, игравшей отнюдь не танцевальную музыку.

– А что-нибудь итальянское есть? Я Италию люблю с детства, – попросила Жар-птица.

– Есть, есть – сейчас включу... – Прокофьева притащила магнитофон и поставила современную итальянскую музыку, которую переписала пару месяцев назад у приезжавшей из Италии соседки по родительской квартире в Выборге, Ленки Даниловой. Та, познакомившись с итальянцем во время рабочей поездки в Италию, вышла за него замуж и осталась там жить, а этим летом наведлась в свою прежнюю квартиру в Выборге, которую собиралась продать. Настя заходила к ней на прощальный сабантуй. И та, конечно, пригласила ее приехать к ней в Италию, оставив свой итальянский номер телефона и адрес в Солерно.

– Приезжай, – говорила Ленка, – мужа тебе там найдем.

Но эта музыка показалась Жар-птице мало динамичной, и она потребовала еще выпить, чтобы догнаться, и пустилась потом с Настей в обнимку в пляс под «фейерверк» звуков некоей отнюдь не итальянской мелодии. В конце концов, выхлеставшие две с половиной бутылки текилы на двоих полураздетые девицы переместились в спальню. А потом, добавив еще немного, под звуки все той же джазовой музыки завалились спать на Настином диване, даже не позаботившись о том, чтобы его разложить. На это у обоих не было уже ни сил, ни желания.

– Раз, два, подъем! Журналистка, на выход, – прокричала во всю глотку наутро Жар-птица, приготовившая, пока Настя спала, на кухне яичницу с ветчиной. – Пять минут на сборы.

«Ну ты, Прокофьева, даешь! Докатилась. А Жар-птица растет... по профессиональной лестнице и совершенствуется в мастерстве, – подумала Настя, обнаружив себя полураздетой. – Такого со мной еще не бывало».

Судя по тому, что на ней не хватало некоторых интимных деталей гардероба, Настя поняла, что сегодня ночью ей довелось пережить если не изнасилование женщиной-бисексуалкой, то, как минимум, кунилингус с ней же. И все это в состоянии полной отключки от мира сего.

– Черт побери! – воскликнула Прокофьева в сердцах. Как ни странно, она не чувствовала после этого всего себя плохо, а даже, наоборот, была как бы на подъеме. Словно гора с плеч свалилась. Все, что было с нею вчера, казалось каким-то далеким и совсем не страшным.

– А ну их всех, – сказала Настя самой себе. – Отсижусь, пока пройдут синяки, и рвану к деду под Выборг. Никакой журналистики недели две как минимум, а дальше видно будет. Пусть подавятся своими тупыми репортажами и глупыми расследованиями. Мне этого сейчас не нужно. И криминальными темами я больше заниматься не буду. Баста. Все. Жизнь дороже этой дряни.

– Ну и как мне ей сейчас в глаза смотреть? – думала она о Жанке, одеваясь. – Сделать вид, что ничего не произошло? Конечно, как же иначе. Жар-птица меня спасла. По крайней мере не со зла, а, видно, из лучших побуждений постаралась удовлетворить. Да-а-а. «Дорога в ад вымощена благими намерениями». А ну их, эти притчи. Спокойно. Идем и провожаем Жанну. Все о'кей, – в конце концов сказала себе Настя.

Она достала из платяного шкафа бархатный спортивный костюмчик и направилась в ванную комнату. Пока Настя приводила себя в порядок, Жанка успела заскучать. От нечего делать она даже заглянула в Настин ноутбук, пытаясь в нем что-то открыть. Но так и не разобравшись, как это делается, включила телевизор и пощелкала пультом, переключаясь с канала на канал.

– Ах, ничего интересного. Одни новости, – бросила она и это занятие. От нечего делать, взяла фотоаппарат и щелкнула себя на память на фоне скудной обстановки Настинной комнаты.

«Надо будет не забыть попросить, чтобы распечатала мне пару фотографий. А то я давно не фотографировалась», – подумала Жанна.

– Ну что, где ты там? – громко спросила она. – Я скоро сдохну тут одна от скуки. Кофе стынет. Выходи.

– Уже иду, – послышался голос из ванной комнаты. Было слышно, как Прокофьева выключила воду. – Подожди минутку.

Когда Настя наконец появилась на кухне, оказалось, что Жар-птица уже готова к отбытию.

– Ну что, подруга?! Не горюй! Чуть что – зови. Я всегда на проводе. Ну, я пойду, меня там машина дожидается с водителем, – сказала на прощание Жанка.

Оказалось, что пока Настя занималась водными процедурами, Жар-птица успела поговорить по мобильному телефону с подъехавшим на старом «фольксвагене» и теперь поджидавшим ее у подъезда Саней Лысым. Так звали ее сутенера и одновременно напарника. Они вместе работали по ночам. Саня был неплохим, с точки зрения неприхотливой в этом плане Жанны, парнем. По крайней мере, он ее так не обижал, как делали это в первое время ее пребывания в Петербурге некоторые, как их называла Жар-птица, сволочи.

Эх, бедная Жар-птица, она ведь даже не подозревала, что через несколько минут жизнь ее безвременно оборвется. Об этом не могли знать ни она сама, ни Настя, ни поджидавший ее внизу Саня. Первым то, что с ней что-то случилось, заподозрил Саня, который, заждавшись обещающую вот-вот быть Жанку, набрал ее номер телефона, а после того, как она не ответила, поднялся наверх к Настинной квартире.

– Где Жанна? – спросил Саня через закрытую дверь, когда Прокофьева подошла к глазку и спросила, кто там. – Мы только что с ней созванивались.

– Ее здесь нет. Ушла минут десять назад, – ответила с недоумением Настя, открыв парню дверь. – Может, с ней что-то случилось?

– Я от подъезда никуда не отходил. Она точно не выходила. Если у тебя ее нет, надо осмотреть чердак и подвал. Если она здесь никого больше не знала... то ей просто некуда было еще деться, – Саня повернулся к дверке лифта.

– Подожди, – попросила Настя. – Я с тобой. Только ключи от квартиры возьму.

Чердак оказался запертым. Было видно, что висевший на чердачных дверях замок лет сто никто не снимал. Они спустились вниз. И, действительно, возле выкрашенной в зеленый цвет двери, ведущей в подвал, Настя заметила выпавшую, видно, из Жанкиной сумки пудреницу в форме большого блестящего сердца.

Спустившись вместе с Саней в подвал, Прокофьева увидела лежавшую у стены с перерезанным горлом Жар-птицу. Платье на ней было задрано до неприличия. Видно было, что она отбивалась. С широко расставленных ног молодой женщины свисали ошметки дорогих колготок. В голове у Насти проскочило:

«На ее месте должна была быть я. Этот мужик, который меня чуть вчера не пришиб. Это, наверное, он меня с Жанкой перепутал. Но как он меня так быстро разыскал?»

– Ну все, мне тут делать больше нечего. Вызывай милицию. Обо мне ни «гу-гу», поняла? Скажешь, убью, – вырвал Настю из оцепенения Саня Лысый.

– Подожди, не уходи, – пробормотала Настя, быстро поправляя платье на труп Жар-птицы. – Подожди. Пожалуйста. Вчера я сдуру сфотографировала одного козла на улице, так он меня за это чуть не пришиб. Может быть, он не хотел, чтобы его фото кто-то увидел. Вчера я убежала. А сегодня он, похоже, вместо меня Жанку зарезал. Поднимемся ко мне. Там я тебе его покажу.

– Слушай, подруга, это твои проблемы, ты и разбирайся. Мое дело – сторона, – отпаривал Саня.

Но от Насти не так легко было отделаться.

– Послушай, – вцепилась она в его рукав. – Она же была моей подругой и твоей, я знаю, – тоже. Хотя бы в память о ней помоги мне.

– Ладно, – сдался Лысый, получивший свою кличку из-за отсутствия волос на голове. – Идем. Одна нога тут, другая – там.

В комнате Настя снова открыла ноутбук и просмотрела те фотографии, которые она сделала перед тем, как получила удар по голове. Из них одна была более-менее сносной. Она вывела ее на принтер и распечатала.

– Вот. Посмотри. Ты его знаешь? – показала она фотокарточку Сане Лысому.

Тот внимательно присмотрелся:

– Нет, в первый раз вижу. Но, так и быть, в память о Жар-птице поспрашиваю у братков.

– Хорошо. Вот мой телефон, домашний. – Настя вырвала листок из блокнота и записала свой номер. – Или дай мне свой.

– Не надо, если я что-то узнаю, сам тебя найду, – ответил Саня.

Он взял фотографию, положил ее в карман и направился к двери.

– Все, пока. Про меня – молчок. Поняла? А то кирдык, получишь, как Жар-птица, ножом по глотке. Когда я уеду, можешь звонить в милицию. Пока.

– Ладно. Спасибо, – растерянно сказала Прокофьева. – Я на тебя надеюсь и жду информацию.

– Спасибо потом скажешь. Бывай.

Саня закрыл за собой дверь, а Настя набрала номер «02»:

– Алло, милиция? Димитрова, 5. Убийство. Мой телефон? Диктую... Прокофьева... Да, пятый этаж. Я не уйду.

Через несколько минут приехала милицейская машина. И снова Насте довелось встретиться с майором Якименко, который сам был этим несказанно удивлен:

– Надо же, Анастасия Григорьевна, вы? Да-а-а, не ожидал я вас встретить так скоро и при таких обстоятельствах. И кем же вам, позвольте полюбопытствовать, приходилась убитая?

– Она была моей знакомой. Зашла ко мне в гости вчера. И переночевала, а утром ушла.

Дальше Насте пришлось врать, чтобы скрыть присутствие в этой истории напарника Жар-птицы, которому она обещала о нем молчать.

– Я смотрела в окно, чтобы помахать ей на прощание рукой. Но ее долго не было. Тогда я пошла посмотреть, что стряслось. Подумала – может, она просто застряла в лифте.

«Ух, ну и лихо же я вру», – подумала она о себе.

– Ах, – сказал Геннадий Сергеевич, – Анастасия Григорьевна, Анастасия Григорьевна. И что же вас связывало с гражданкой Жанной Птициной, жительницей города Вытегра, занимавшейся в городе Санкт-Петербурге нелегальной проституцией?

– А разве в России есть легальная проституция? – хмыкнула Настя. – Кажется, проституция у нас, в отличие, к примеру, от Германии, Чехии и других европейских стран, вообще не делится на нелегальную и легальную. – Это отступление помогло ей собраться с мыслями, чтобы дать достойный ответ. – Можно сказать, что меня связывал с Жанной Птициной интерес к жизни людей социального дна.

– Да-а-а, – улыбнулся майор, глядя Насте в глаза. – Никак Достоевского вспомнили. Это хорошо. Но, насколько я помню, этот писатель не вел близких знакомств с такого рода людьми, и материалы о жизни людей дна черпал из уголовных дел, которые вел его приятель адвокат Кони.

– Это верно, – ответила Настя, осознавая, что майор отнюдь не так прост, как ей было показалось. – Но Достоевский проповедовал человечность, при которой нет деления на людей первого и второго сорта, а каждый человек ценен, потому что он человек.

– Да, да, да. Запальчивый максимализм и демагогия. Хорошо, давайте ближе к делу, – сказал майор. – Насколько близко вы знали Птицину, и кто, по-вашему, ее мог убить?

– Я не знаю, – опустила глаза Настя. – Мы были едва знакомы. И я о ее жизни мало что знаю. Иногда мне просто бывало скучно... Она приезжала, развлекала меня.

– Ясно. Опрометчиво поступаете. Анастасия Григорьевна. Пускать к себе малознакомых людей – нехорошо. А жизнь людей социального дна, как вы выразились, можно изучать и дру-

гим способом. Это вам не игрушки. Птицина так или иначе была связана с представителями криминального мира, а это – не безобидный цирк, Анастасия Григорьевна. Тут вам ваш Достоевский не поможет. А теперь – кое-что для протокола. Сейчас этим займется следователь.

Следователь официально спросил о том, где и при каких обстоятельствах они с Жанной познакомились, сколько раз и когда встречались. Настя честно отвечала. О том, что с ней произошло давеча во второй половине дня, о странном человеке и бегстве от него она промолчала. Ей было стыдно. Знакомая проститутка да еще ненормальный мужик, который по морде бьет. Ударил – значит заслужила или просто дура. Что еще может подумать следователь. Ко всему прочему Настя не была уверена в том, что ее действительно что-то связывает с убийством Птициной.

«Да кому я нужна? Кому дорогу перешла? – думала Настя. – А Жанку, и в самом деле, могли замочить ее криминальные знакомые, мало ли за что. Кому-то дала, а кому-то не дала. Ведь я с ней, действительно, не настолько была близка, чтобы знать ее сокровенные тайны. Ой, Прокофьева, Прокофьева, какая же ты дура. Пройдут синяки – и срочно линияй, как говорится, в глушь, в Выборг».

Следователь составил протокол, дал подписать его Насте и взял с нее обещание позвонить, если она что-то новое и важное вспомнит. Отупевшая от всего произошедшего за последние два дня Настя лишь покорно кивнула головой.

Утром она чуть ли не целый час замазывала эти самые синяки, стоя в ванной комнате у зеркала. Хорошо, что когда-то давно она купила по объявлению у одного студента театральный грим и не выбросила его при переездах с квартиры на квартиру. Сейчас он ей как раз пригодился.

«Так, решено, сегодня еще полежу дома, а завтра стартую в Выборг, – решила Настя. – Хватит с меня этого чертова Петербурга. Якименко прав. И тысячу раз прав. Ступишь в дерьмо, по колено в нем увязнешь. Все, все – отныне и впредь я буду жить иначе и не буду ни во что лезть».

Ей даже пришло в голову что, может быть, стоит взять да и переквалифицироваться в учительницу русского языка и литературы, поставив жирный крест на журналистике. В конце концов, не так уж и трудно сменить профессию. Ну, посидит без денег некоторое время, зато потом будет обеими руками сеять доброе и вечное. И будет жить, а не валяться, словно сломанная кукла, у стены в подвале чужого дома, как Жанка Птицина.

Глава четвертая

Верх или низ

Проснулась Настя где-то в три или четыре часа ночи. Кто-то скребся в ее дверь.

Тихонько поднявшись с постели и подойдя на цыпочках к висевшему в прихожей телефону, Настя подняла трубку. Гудка в ней не было. У журналистки перехватило дыхание. Было ясно, что телефонный провод заранее перерезал тот, кто, скорее всего, готовится сейчас за дверью на нее напасть и убить. Дал маху с Жанкой Жар-птицей и теперь торопится исправить ошибку. А она так и не купила себе новый мобильник, побоявшись после происшествия с Жанкой выходить из дома.

«Надо же, – покачала Настя головой. – Человек за дверью словно знает, что у меня нет на руках мобильного. Или надеется, что я не проснусь. Иначе не вел бы себя так нагло среди ночи... А может это банальный грабитель? И вчерашнее происшествие не имеет к нему никакого отношения? Нет, – скривила она рот. – Хватит обманывать себя. Сейчас тебя зарежут, задуют или пристрелят из пистолета с глушителем, а ты все талдычишь «а может»... Закажи себе билет в одну сторону на тот свет. Разуи глаза, Прокофьева. Просто так ничего не бывает. Почему не рассказала все следователю, дура набитая. Да делай же хоть что-нибудь, если хочешь жить».

Действовать нужно было быстро. Она так же на цыпочках побежала в кухню, порылась в потемках в ящиках стола и вооружилась топориком для отбивания мяса и широким кухонным ножом. Все так же тихонько подошла к двери, прислушалась. Тот, кто находился под дверью, не заставил себя долго ждать. Дверь тихо отворилась, негромко щелкнув замком. Но дверь еще была закрыта на цепочку.

«Рубануть по пальцу, который сейчас пролезет, чтобы снять цепочку», – подумала Прокофьева.

В дверной щели и точно показался длинный и толстый палец, но Настино тело словно оцепенело и оказалось не в состоянии сдвинуться с места.

«Заячий синдром, – мелькнуло у Насти в голове, – сердце бьется как у зайца. Еще выскочит, не дай Бог, что я тогда буду делать. О Господи, Боже мой, сейчас войдет. И заорать не могу – от страха голос отнялся».

Цепочка негромко звякнула, и Настя попыталась со всего размаху врезать топориком по голове ворвавшемуся взломщику, но ее рука оказалась перехваченной.

– Ах ты, курва, – послышался грубый голос. – Ну ты у меня сейчас получишь.

Детина с треском заломил Насте руку, в которой она держала топорик, и тот с шумом грохнулся на пол в прихожей. Ножом, который девушка держала в левой руке, она попыталась пырнуть неожиданного ночного визитера в живот, но сама получила такой удар под дых, что согнулась от боли. Нож вывалился из ослабевшей руки.

– Скотина, – только и смогла прошипеть журналистка.

– А за скотину отдельное спасибо, – услышала она в ответ и, получив еще один удар ногой ниже пояса, рухнула на пол.

– Что, сука, брыкаться вздумала? Ты у меня сейчас получишь и скотину, и две скотины. – Здоровенный амбал с огромными плечами надвигался на Настю как жуткое чудовище из фильма ужасов, а та торопливо отползала, опираясь локтями и отталкиваясь ногами от пола.

Здоровяк настиг Настю и наступил на кисть ее левой руки тяжелой ступней ноги, обутой в нечто вроде кирзового сапога.

– Не уплзешь. Сдохнешь здесь. Видишь это? – поднес он Насте к носу дуло пистолета с глушителем. – На, понюхай, тварь... Где фотоаппарат?

Настя промолчала. Давление на руку заметно усилилось.

– М-м-м, – простонала девушка.

– Сейчас морду изуродую, если не скажешь, – снова надавил на руку преступник.

Остаться без лица Прокофьевой очень не хотелось, поэтому пришлось заговорить.

– Там, в комнате, – прохрипела она, скрежеща зубами от боли. – Не дави так, скот.

Скот сграбастал ее за шиворот пижамы и, не поднимая с пола, потащил в спальню. Нащупав на стене выключатель, он зажег свет.

– Где? Показывай.

– На полке лежит.

– Где? – вновь спросил он.

– Да вон же. Глаза разуй, скот, – злобно ответила Настя. Она уже не боялась. Ощущение страха за свою жизнь отхлынуло вместе с первой болью. Теперь журналистка прямо-таки рвалась в бой.

Пока громила проверял наличие нужных ему кадров в фотоаппарате, она успела встать и поднять за ножку стул, чтобы швырнуть его в негодяя. Но, не успев замахнуться, вновь оказалась лежащей на полу.

– А сейчас давай-ка развлечемся, сучка поганая, – лениво процедило мерзкое животное.

– Размечтался, гадина. А еще чего-нибудь не хочешь? – прошипела она.

Преступник поднял ее, схватив под руку, и швырнул на диван.

– Ты еще вякать будешь мне тут, сука драная. Ложись и ноги раздвигай.

Чудовище не торопясь принялось расстегивать ремень, затем ширинку. Но пока скот готовился к изнасилованию, рука Прокофьевой, резко отъехавшей к спинке дивана, нащупала на полу оставшуюся со вчерашнего дня пустую бутылку из-под текилы, которую она поленилась отнести на кухню, чтобы выбросить в мусорку.

Настя схватила бутылку за горлышко, и как раз в тот момент, когда амбал придвинулся ближе, чтобы навалиться на нее всем грузом своего тела, разбила ее о батарею и сунула оставшуюся в руках острозубую «розетку» насильнику в область паха. Ночную тишину разорвал пронзительный истошный вопль.

– Вот и развлеклись, – констатировала Прокофьева, вскочив на ноги. – Танцуй и пой, что я с тобой.

Громила с изувеченным половым органом попытался вытащить из-за пазухи пистолет, чтобы выстрелить в нее. Но Настя на сотые доли секунды опередила его. Подхватив стул, она сильным ударом выбила из рук преступника оружие.

Пытаясь подняться, не состоявшийся насильник зацепил лежавший на столе фотоаппарат, и тот свалился на пол.

Настя уже стояла у дверей комнаты с пистолетом в руке.

– Тронься с места, и я выстрелю. Одно движение, – сказала она преступнику, – и ты лишишься не только яиц, но и жизни.

– Ах ты, курва, – раненый амбал уже стоял на ногах со спущенными штанами, залитыми кровью какого-то синюшного цвета.

«Венозная, что ли?» – невольно заинтересовалась Прокофьева, впечатленная размером подрезанного члена.

Она не успела додумать свою мысль до конца, как выстрелила, потому что амбал таки шагнул, а ей вовсе не хотелось снова оказаться в роли жертвы. Амбал глухо ахнул и схватился рукой за живот ниже места, где располагалась печень. Настя выстрелила еще два раза, амбал рухнул, заливая ее ковровую дорожку кровью.

– Ну и что мне с тобой теперь делать? Вызвать «скорую», что ли? – произнесла она, все еще держа пистолет наготове в вытянутых руках. – Прости, сволочь, но ты бы меня изнасиловал и убил, а мне это ни к чему.

– Тебя так и так убьют, гадюка, – прошептало обессилевшее от боли и потери крови чудовище.

На какой-то миг Насте даже стало его жалко, но тут она почувствовала, как горлу подступает ком, и сломя голову побежала на кухню. Там ее вырвало.

«Хорошо, что успела добежать до раковины, – мелькнуло в голове Насти. – А то заблевала бы всю комнату. О, блин, я же только что покалечила и подстрелила человека. Надо же такому случиться. А как-то не страшно совсем».

Но страх вернулся к Прокофьевой, когда она услышала, что дверь снова открывается.

– О, Господи, сколько же вас на одну меня? – прошептала она.

Хотя пистолет значительно облегчал оборону, но кто же знает, сколько патронов осталось в обойме.

«Выноси готовенького. Кто на новенького?» – снова вселился в нее веселящий газ.

– Стой, стрелять буду, – сказала Настя, поворачиваясь к новому гостю.

– Не надо. Я не убивать тебя пришел. Поверь мне, – второй незванный гость вскинул руки вверх. – Мне нужна была эта собака, которую ты, кажется, только что замочила, – добавил гость, разглядывая пятна крови на стенке и на полу в прихожей.

– Он еще живой... Кто ты? – все так же настороженно спросила Настя.

– А ты знаешь анекдот про лося и корову? – попытался отвлечь ее посетитель.

– Нет, мне сейчас не до шуток, – не дала сбить себя с толку Прокофьева. – Кто ты? Отвечай, а то вышибу мозги.

– Не бойся, я просто лось... просто лось... то есть прохожий. Я же тебе уже сказал, что следил за этим козлом, достал он меня. А тебя я не трону. Меня зовут Савелий, а кличут Саввой как Савву Морозова. Знаешь такого? Меценат русский был. Да не бойся ты меня. Я не за тобой, я за ним пришел.

– Кто ж Савву не знает, – сказала Настя. – Выверни карманы.

– О, ты лишаешь меня орудия защиты. Ладно, я тебе верю. Вот мой пистолет.

Савелий выложил оружие на полку трюмо, стоявшего в коридоре, и вывернул карманы куртки.

– Куртку сними и повернись задом, – скомандовала Прокофьева, бдительно следя за руками пришельца.

– Ладно. Придется покориться. Видишь, все чисто. Я с женщинами и детьми не воюю. – Савелий повернулся спиной, как от него потребовали, снял куртку. – Если бы я захотел, то в два счета шею тебе свернул бы, ты сравни свою и мою комплекцию, малышка. Убедилась?

Настя подошла к трюмо, взяла в левую руку еще один пистолет.

Савва по прозвищу Дым, заглянувший в ту ночь, или, точнее, в то раннее утро, к несчастной журналистке, действительно не собирался ее убивать. Они с девушкой встретились в силу стечения обстоятельств.

Дело в том, что некто Полкан, известный в определенных кругах отморозок, на днях проигрался Дыму в карты, а затем, желая вернуть проигранное, подослал к нему своего человека, коим и был нагрянувший на квартиру Прокофьевой Вова по кличке Носок, известный в криминальном мире киллер, или мокрушник, на счету которого были самые грязные преступления, в том числе убийства женщин, которых он зачастую насиловал перед тем, как лишить жизни. Это было его хобби – сначала изнасиловать, получив физическое удовольствие, а потом убить как бы между прочим. Носок на пару с товарищем попытался расстрелять машину, в которой ехал Дым, но Савелию удалось увернуться. И затем уже он сам сел на след Вовы Носка, чтобы с ним разобраться.

В этом ему помог Саня Лысый, который показал Савелию фотографию, полученную от Насти и рассказал ему грустную историю убийства Жар-птицы. Савелий направился рано утром к Насте, чтобы расспросить у нее подробности произошедшего. Но надо же такому слу-

читься – когда Савелий подъехал к Настиному дому, он заметил выходящего из машины Носка. И было это не в три и не в четыре часа утра, как показалось Насте Прокофьевой, а около пяти. Самая, как говорится сонная пора, когда человека сложно разбудить, если, конечно, он не работает в первую смену и не привык рано вставать.

Насте казалось, что она умеет разбираться в людях. Человек, которого она теперь держала на мушке, судя по ее ощущениям, не представлял для нее опасности, в отличие от только что подстреленного садиста Носка. Более того: он вызывал у нее симпатию.

– У тебя сигареты есть? – спросила она.

– Да, есть, можешь взять в кармане куртки, – стоя к ней уже лицом, ответил Савелий.

– Ой, не могу! – воскликнула Настя, и ее все так же с двумя пистолетами в руках снова понесло к раковине на кухне, где повторно стошнило. Настя положила на кухонный стол пистолеты, промыла лицо холодной водой и всунула два пальца в рот, чтобы полностью прочистить желудок.

Савелий тем временем заглянул в комнату.

– Ну что, Носок?! – окликнул он киллера, лежащего со спущенными штанами в луже собственной крови с покореженными яйцами. – Допрыгался?

– Суки, – прошипел киллер и окончательно отключился.

– Да-а-а, – протянул Савелий, поднеся к его губам маленькое зеркальце, лежавшее ранее на полке. – Надо же – не дышит. А как дышал, как дышал.

Прокофьева тем временем, стоя над раковиной, слезно рыдала. Не в силах остановиться, она размазывала по лицу и вновь и вновь пыталась смыть текущей из крана водой слезы и сопли.

– О, мадам, да вы вся в слезах, – ухмыльнулся пришедший на кухню Савелий, деловито рассовывая по карманам уже вернувшейся на его плечи куртки пистолеты.

– Дай мне мобильник, – сквозь слезы попросила Настя.

– Зачем это?

– Вызову «скорую помощь». Может, его еще откачают.

– Уже не откачают. Приказал долго жить. А нам с тобой лучше убираться подобру-поздорову, пока нас на пару не повязали здесь менты.

Настя долго соображала, что ей сейчас сделать. Позвонить майору? Да или нет? А если позвонить, то как теперь на нее будет смотреть майор? Как на подозреваемую или как на человека, которому по-прежнему можно верить? А еще – приедет ли сюда сам майор Якименко или на этот выезд направят другого, незнакомого человека, который будет действовать по испытанной схеме: руки за спину и так далее. Тогда капут! Ее точно посадят в каталажку. Сообщат родным.

«Что же мне делать? – лихорадочно вертелось у нее в голове. – Я не хочу всего этого. Не хочу. Тюрьмы, разбирательства, слезы несчастной мамы...»

Пока она решала, Савелий действовал.

– Так, что у нас здесь? Брюки, блузка. Годится – то, что надо, – бормотал он, роясь в Настином шкафу.

– Мне надо в душ, – сказала Прокофьева, когда Савелий притащил шмотки на кухню.

– Не до душа сейчас. Потом помоешься. Нам надо валить отсюда, пока не поздно. Пойдем, не надо тебе светиться здесь. Отсидишься, потом видно будет. Поверь мне, я не серый волк и зареванных девочек не лопаю. Точно. Верь мне.

– Косметика, – вспомнила Настя.

– Айн момент, где она?

– Там в шкафу, на полке, розовая косметичка.

Пока Савелий искал косметичку, она сунула ноги в кроссовки и набросила на плечи старый плащ.

– Правильно, переоденешься позже. – Савелий сунул все собранные вещи в валявшийся здесь же на полу в прихожей целлофановый пакет, и они направились к двери.

– Стой, еще сумка. Там ключи и деньги. И документы обязательно надо забрать. В комнате, – остановила его Прокофьева, автоматически вспомнив, что все свое нужно носить с собой, ведь мало ли что.

Дым прихватил кожаную сумку, которую Настя очень любила, покопался в шкафу.

– Вот смотри, – показал он, – все взял: сумка, в сумке паспорт, полис, деньги, ключи. Идем, уже скоро рассвет, а выхода нет, – перефразировал он старую песенку «Сплина». – Делать ноги надо.

Почему она покорила воле этого человека, которого видела первый раз в жизни, Прокофьева точно не знала. Просто, наверное, ей необходимо было опереться на крепкое мужское плечо, а этот чем-то симпатичный ей человек таковое как раз и подставил.

Савелий Рыжов по кличке Дым и в самом деле был не самым плохим на свете человеком. Когда-то он окончил университет. Потом увлекся торговлей тачками, которые гонял из Европы: Финляндия ведь под боком, и до Германии рукой подать. Прогорел. Влез в долги. Отсидел за кражу. И дальше воровал, но старался больше не попадаться, за что его и прозвали Дымом: стоило запахнуть неприятностями он сматывал удочки, и никто его потом не мог уличить ни в чем противозаконном. Один закон он чтит свято: по мокрухе никогда не работал, и второе – слабых не обижал. В остальном Савелий Дым был себе на уме, и его можно было бы назвать благородным жуликом, если бы понятие благородство вообще существовало в тех кругах, в которых он вращался. К тому же он был статным и красивым молодым мужчиной, умевшим покорить женское сердце. И это к нему тоже влекло и располагало.

Вот с таким человеком Настю свела лукавая судьба. Однако же поведение женщины бывает непредсказуемым. Еще полчаса назад она чуть ли не билась в истерике, а сейчас, оказавшись в машине малознакомого человека, вдруг вспомнила, что оставила дома фотоаппарат. Да еще и ноутбук надо бы было прихватить.

– Нет, подруга, назад дороги нет. Зачем тебе фотоаппарат? Да и ноутбук тебе в ближайшее время не очень-то пригодится. Мы ж теперь в бегах, – сказал Савелий, включив зажигание. – Наверное, кто-то из соседей уже успел звякнуть в милицию, слышишь, как сирены гудят. Так что рвем когти.

«Форд» серебристого цвета Савелия Рыжова тихо рыкнул мотором и, отчалив от Настиной пристани, направился к другим «берегам» славного города Санкт-Петербурга.

– Куда мы едем, – спросила Прокофьева, слегка успокоившись.

– Да есть одно место. Надо только заехать кое-куда, взять ключи, – сказал витиевато Дым. – Я, честно говоря, сам не предполагал, что так все обернется.

– Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать, – тихо прошептала Настя строчки поэта Иосифа Бродского, умершего и похороненного все-таки на другом, не русском, острове. Мысли о Бродском, почившем на чужбине, пришли Прокофьевой в голову, когда «форд» Рыжова въехал во двор одного из домов на Шестой линии этого самого, так любимого поэтом, Васильевского острова.

– Приехали. Идем, – сказал Савелий, припарковав машину.

– Куда? – спросила настороженно Настя.

– Не бойся. Ко мне. Я здесь живу, переоденешься. Не в машине же это на ходу делать. Хотя можно было бы и там, если бы приспичило. Чего застыла, выгружайся.

Настя выгрузилась, и они вместе вошли в парадное, поднялись на третий этаж. Савелий открыл дверь. Это была коммуналка.

– Тихо. Все еще спят, иди за мной, – сказал он шепотом.

«Да, – удивилась самой себе Настя Прокофьева. – Я только что ухлопала одного кобеля, а теперь спокойно иду на хату к другому и не знаю, что дальше будет».

– Проходи, а я сейчас, – сказал Дым шепотом, открывая дверь своей комнаты.

– Ты куда? – спросила Прокофьева, не очень-то хотевшая в этот момент оставаться одна.

– К соседу снизу, Дим Димычу, попрошу ключи от дачи, да и машинку нам надо бы сменить, засвеченная она. Сейчас приду. Чувствуй себя как дома. Переодевайся. Туалет по коридору налево, если надо. Вода на кухне рядом. Только не шуми.

Рыжов ушел, а Настя принялась рассматривать свое лицо, которое, к ее удивлению, оказалось не таким уж страшным, как она ожидала. Царапины и ссадины, полученные в битве в собственной квартире, располагались в основном на руках и шее, пространные гематомы красовались на ногах. Ей не хотелось идти на кухню и тем более искать туалет. Она выгрузила из косметички все ее содержимое, открыла лосьон и тщательно протерла ватным тампоном лицо, шею и руки. Затем принялась за макияж. Слава богу, театральный грим тоже оказался в косметичке. Пудра и тени снова сотворили чудо. А как с одеждой?

– Ну и что он взял? – сказала она, рассмотрев вещи, которые Савелий прихватил из ее гардероба. – Ну, брюки – ладно. А блузка? Самое время в нарядной блузке с большим декольте «шариться» по Питеру, уходя от погони. Да, блин. Ладно, – она натянула на себя брюки и блузку, заляпанную кровью пижаму сунула в целлофановый пакет.

«Надо будет выбросить», – подумала Прокофьева и брезгливо поморщилась.

– Ну что, ты готова? – спросил, вернувшись от соседа с ключами от дачи и машины, Рыжов.

– Почти, – ответила Настя, расчесывая волосы.

– Ну, тогда идем?! Извини, нам тут рассиживаться некогда. За мной охотятся те же люди, что и за тобой, – сказал Савелий.

– Я готова. Пошли, – поднялась с кресла Прокофьева. – А куда пижаму деть?

– Возьми с собой. Выбросим по дороге, – ответил ее товарищ по несчастью.

Настя положила пакет с окровавленной пижамой в сумку, и они снова отправились в путь, теперь уже в старых «Жигулях» белого цвета, принадлежавших соседу Рыжова Васильеву. Рыжов попросил его никому не говорить, куда он поехал, объяснив это тем, что у него завелась зазноба, с которой ему хотелось бы провести время наедине на свежем воздухе. Он также сунул Васильеву немного денег за молчание. Несмотря на то, что по большому счету Васильев в деньгах не нуждался, он все-таки принял их как должное.

– И она еще ездит, эта старушка? – недоверчиво поинтересовалась Настя, не привыкшая к автомобильному антиквариату.

– И еще как ездит, – ответил Рыжов, давя ногой на педаль газа. – Ого-го-го.

– Савва, погоди, – вспомнила Настя. – Останови возле банкомата. Мой счет, наверное, еще не успели перекрыть, я деньги сниму по карточке.

– Эх, девушка, девушка. И зачем вам деньги?

– На всякий случай, – ответила Настя.

Савелий тормознул возле банкомата.

– Ну вот, – сказала довольная тем, что удалось все-таки снять немного денег, Настя, – теперь поехали. – Она сложила рубли в кошелек и снова села в машину. – Как на этой колыхаге можно куда-то доехать, не понимаю.

Они вырулили на Сестрорецкое шоссе и понеслись, если это можно было так назвать, вдоль Финского залива. Поднималось сентябрьское солнце, бросая первые лучи на его воды. Прокофьева прикурила сигарету и приоткрыла боковое стекло машины. Утренний ветерок плеснул ей в лицо прохладой и выбил из рук сигарету.

– Ну вот, покурила, – грустно заметила Настя.

– Возьми еще, – предложил Савелий, протягивая пачку.

– Нет, не надо. Что-то не хочется больше. Далеко еще? – спросила она, глядя на дорогу.

– Почти приехали, – подмигнул ее попутчик. – Чего загрустила, красавица?

– Да, так, что-то... – пробормотала Прокофьева. – А разве есть чему радоваться? – посмотрела она на Рыжова.

– Тому, что жива и практически здорова... Жизнь продолжается. Вот чему радоваться нужно, – ответил Дым. – Ты как хочешь, а я закурю.

«А может, он и прав, – подумала Настя, – надо радоваться каждому дню... Нет дырки во лбу – и то радость. Гм-м... Забавный тип... Что там, впереди, неизвестно. Но с ним как-то спокойно. Может, я влюбилась ни с того ни с сего?»

За Репино они свернули в какой-то пролесок, попетляли по узкой пыльной дороге. На окраине леса стояла избушка только что не на курьих ножках.

– Приехали, – сказал Рыжов. – Здесь и заляжем до завтрашнего утра. А там что-нибудь придумаем. Располагайся, будь как дома. Можешь свежим воздухом подышать, а я баньку истоплю. Сейчас посмотрю, где тут у Дим Димыча дрова?

– Его и в самом деле так зовут? Твоего соседа?

– Да, только по паспорту он Дмитрий Игнатьевич Васильев, а в быту – Дим Димыч. Он сам попросил, чтобы его так называли.

– Он живет под тобой, внизу? – поинтересовалась на всякий случай Настя, по своей журналистской привычке привыкшая выведывать все, что нужно и не нужно.

– Да, я ж говорил. У меня квартира пятнадцать, у него тринадцать.

Дом Настя запомнила тоже на всякий случай. Васильевский остров она знала хорошо, поскольку там располагался ее родной факультет журналистики. Так что в случае чего этот рыжовский дом она могла найти без проблем. Правда, еще не знала зачем, но чувствовала, что возможно туда еще придется вернуться. Она была чуть-чуть фаталисткой и верила в запрограммированность кем-то ситуаций, из которых приходится искать выход, который тоже уже есть. И нужно только не быть олухом, чтобы его увидеть.

Настя бросила сумку на стол в доме и вышла на улицу. Было тепло. Сентябрьское неяркое солнце приятно грело, и Настя сама того не заметила, как задремала, прикорнув на завалинке. Когда Рыжов вернулся, она уже крепко спала.

– Ну так нельзя, просыпайся, соня, – подхватил Савелий Настю на крепкие мужские руки. – Все готово, барышня, – весело сказал он, затащив ее в баню. – Раздевайтесь, сударыня, и мойтесь. На вас сегодня столько излилось крови, что надо бы ее с себя смыть, – добавил он, шутя.

– Да, я сейчас, а как тут? Я же не умею? Что делать нужно? – попросила объяснить ей, как мыться в бане, Прокофьева.

– Во даешь – то же мне, журналистка, – покачал головой Савелий.

– А откуда ты знаешь, что я журналистка? – встрепенулась от неожиданно проскользнувшего подозрения Настя.

– Потом расскажу. Да ты не волнуйся. Я не с теми, кто тебя хотел замочить. Я же говорил.

– А с кем? Кто ты?

– У-у-у, барышня, вода остынет... Наверное, я из той же своры, что и они, только не такой злой. Я же сказал, я женщин и детей не трогаю.

– Может, ты мент и ведешь разработку меня как подозреваемой или свидетеля? Откуда мне знать? – снова уставилась на него Прокофьева.

– Скажу тебе честно, нет. Я – не мент. Но ведь ты тоже не из тех, кто боится сходить с новыми людьми. Так что же ты струхнула? Не бойся. Я тебе все расскажу. Мойся, давай. Вот здесь берешь воду. Она горячая, – показал Савелий на чан с водой. – А здесь холодная. Здесь мыло. Шампуня, правда, нет. Не подумал, что пригодится, не прихватил. И вот чистые простыни – у Дим Димыча в шкафу оказались. Да что ты на меня так смотришь? – улыбнулся он Насте, которая таранилась на него во все глаза. – Саня Лысый мне фото того мужика показал. Ты же хотела узнать, кто он? Вот я и хотел к тебе зайти – расспросить, где ты его видела.

Должок у него передо мной. Потому с раннего утра и приперся. Видно, судьба. Извини, что сразу не сказал.

– А кто он, этот человек на фото? Кто он такой? И почему меня хотели убить? За что? – попыталась узнать Настя.

– Послушай, малышка, давай-ка сначала помойся, а потом я тебе все расскажу. Это Кандидат, редкостная сука. Говоришь, ты его недавно видела?

– Да позавчера сфотографировала.

«Боже, – пронеслось у Насти в голове. – Кажется, так давно это было, словно целая вечность прошла с позавчерашнего совершенно нормального дня».

– Ясно. Значит, он жив и здоров. Ну, мойся, я потом тебе все расскажу.

Рыжов закрыл за собой дверь, оставив Прокофьеву в натопленной русской бане с ушами воды, раскаленной каменкой и березовыми вениками. Она, как смогла, распарилась, быстро помылась, вышла в предбанник, завернулась там в простыню и прилегла на деревянных полатах. Очень хотелось спать. Настя удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза.

Хорошо, что Рыжов в это время не дремал. Войдя в предбанник, он нагнулся над Настей. Обхватив его руками за шею сонная Прокофьева томно открыла глаза и улыбнулась, обнаружив себя на руках красивого и сильного мужчины. Их губы неожиданно, наверное, для обоих слились в поцелуе. И дальше было все. Словно в сказке.

Глава пятая

Наперегонки со смертью

От переутомления и всего, что стряслось с ней в городе, Настя проспала чуть ли не целые сутки. Утром, проснувшись рядом с мирно посапывавшим Савелием, она тихонько оделась, обулась и на цыпочках вышла из дома, чтобы, что называется, прогуляться по росе. При этом Настя не забыла прихватить с собой любимую кожаную сумку. Ей неожиданно пришло в голову, что пора распрощаться с окровавленной пижамой, которая все еще лежала свернутой в аккуратный конверт в целлофановом пакете в сумке. Шелестеть пакетом, доставая пижаму, Прокофьева не хотела, опасаясь разбудить Рыжова, поэтому взяла ее вместе с сумкой, в которой к тому же лежали сигареты и зажигалка. Курить на свежем воздухе не хотелось, поэтому Настя лишь прощупала, на месте ли сигареты, не выпали ли где по пути.

«Ха, – усмехнулась она неожиданно пришедшей на ум мысли, – подымить после постельной утехы с Дымом», – вспомнила она кличку Савелия, о которой тот ей рассказал вчера, чтобы немного рассмешить и расслабить.

«Приятный парень, несмотря на то, что занимается непонятно чем, – подумала она и улыбнулась, вновь вспомнив то, что произошло между ними вчера. – Эх, Прокофьева, Прокофьева, куда ты катишься», – лукаво подмигнула она самой себя, заглянув в зеркало.

Нужно было умыться и привести себя в порядок. Настя подошла к умывальнику, висевшему на стенке сарая. Воды там не оказалось, но это ее не расстроило – настроение оставалось приподнятым. Быстрыми шагами Настя направилась в баню. Там, действительно, в баке еще кое-что осталось после вчерашнего купания. Прокофьева зачерпнула ковшом остывшей за ночь воды и умылась.

«Эх, еще бы душ принять», – пришло ей в голову. Но о таком удовольствии здесь, в загородной глуши, нельзя было даже мечтать.

– Свежо однако, – передернула плечами Настя, выйдя из бани. Дул прохладный утренний ветер, и Настя, почувствовав его прикосновение, озаботилась тем, что так недолго обветрить лицо и тогда оно будет шелушиться, а ей этого не хотелось. Она открыла сумку и, порывшись там, вытащила смягчающий крем, салфетки и пудру. Синяки после вчерашнего побоища все еще красовались на лице, и она нанесла тональный крем на те места, на которых они проступали, и припудрила, чтобы не так бросалось в глаза.

– Война войной, а лицо береги и водой не мой, – срифмовала она полезный совет, вспомнив наставления по поводу ухода за лицом в косметическом салоне, где работала когда-то ее мама.

– Вот так-то лучше, – повертела она головой, кося глазом в зеркало, и снова улыбнулась. – И на войне жить можно, если...

И тут же додумала, что стоит за этим «если», почувствовав, что хочет есть. В животе бурчало, ведь со вчерашнего дня у нее во рту не было и маковой росинки.

– Ничего, сон важнее, – так, помнится, говаривала героиня одного из ее первых газетных материалов.

Вся фишка заключалась в том, что тетка никогда в своей жизни не работала на государство, прикрываясь религиозными убеждениями. После этой публикации сельская диссидентка получила пенсию от этого самого государства, которое всю жизнь игнорировала, а Настя – рекомендацию из газеты, сыгравшую свою роль при поступлении на журфак. Таких историй у Прокофьевой потом набралось с три короба. И эта ничем особо не отличалась от всех последующих. Разве, что название было адекватным тихому сельскому антуражу российской глубинки. «Там, где остановилось время», – назывался материал.

Настя забрела в сад, расположенный за домом, и сорвала с яблони спелое красное яблоко. Хозяин дачи еще не собрал урожай, и в саду было чем насладиться кроме свежего воздуха и красот ранней осени.

«Заодно и зубы почищу, – подумала она, запуская зубы в свежее сочное яблоко. Рядом с яблоней росла еще и слива. Мясистые зрелые плоды свисали с нее гроздьями.

– Словно райский сад, – отметила Прокофьева, развлекая саму себя. – Ева здесь, а Адам валяется в постели. Уже успели согрешить, но из сада еще не поперли. Что там будет впереди – неизвестно, но это-то и хорошо.

– «...И жить так хочется, ребята, что я так больше не могу», – напевая слова крутившейся в голове песенки, радовалась Настя неизвестно чему. Для ощущения счастья, действительно, не требовалось многого – всего лишь хорошее внутреннее состояние, а оно у нее сейчас было. И казалось, ничто не предвещало скорых перемен к худшему.

Выйдя из сада на тропинку, ведущую от дома к лесу, Настя направилась по ней, наслаждаясь запахами сентябрьского утра. Осень она любила, особенно до наступления холодов. В этом своем ощущении она чувствовала себя солидарной с Пушкиным, который тоже любил эту пору года, поэтизируя все ее проявления.

– «Унылая пора, очей очарованье. Приятна мне твоя прощальная пора. Люблю я пышное природы увяданье», – размахивая руками и энергично разбрасывая ногами опавшие листья, декламировала Настя. От этого самого очарования осенней природой и какой-то внутренней полноты, переизбытка словно из ниоткуда нахлынувших эмоций она была готова пуститься в пляс. Красота осеннего леса и поля ее вдохновляла и придавала жизни более яркие ощущения. Здесь, за городом, все жило совершенно другой жизнью, без городской суеты и надрывного бега по кругу в повседневных хлопотах.

На природе Прокофьева оживала, словно возвращаясь в ту незабываемую пору жизни, когда все было хорошо только потому, что жизнь только начиналась. И можно было бродить по лугам и полям возле дедовой фермы, совершенно не заботясь о том, что завтра нужно будет что-то делать и куда-то торопиться.

«Жизнь поддерживает жизнь, – промелькнуло у Насти в голове, когда она, нагнувшись, стала собирать опавшие желтые листья. – И никому не хочется умирать».

А в это самое прекрасное сентябрьское утро новенький автомобиль марки «тойота» мчался на всех парах по направлению к лесу, за которым стояла одинокая дача Васильева. Пока Настя собирала хворост в лесу, чтобы устроить «торжественное пламенное погребение» своей пижаме, ехавшие в этой машине люди перебросились парой фраз насчет вероятной стычки с Дымом.

– Если спит еще, повяжем живьем, проблем не будет. Если откроет огонь – уложим, – сказал, как видно, старший из них. На щеке у него был виден глубокий продолговатый шрам, оставшийся после стычки с омонотцами, состоявшейся год назад.

Это были боевики Полкана. Им было приказано разыскать Дыма и разобраться с ним. Ни Настя, ни сам Савелий Рыжов по кличке Дым, даже не предполагали, что об их местонахождении станет известно менее через сутки. Такая оперативность была продиктована тем, что в исчезновении Дыма были заинтересованы двое весьма важных людей. И было еще одно обстоятельство, которое оказалось не учтенным Савелием Рыжовым. Если бы не оно, идиллия могла продлиться еще несколько дней, как Дым и планировал, и, возможно, новоявленной «сладкой парочке» удалось бы отсидеться и выйти из воды сухими. Но, беда состояла в том, что Рыжов, несмотря на все свои таланты и достоинства, все-таки плохо разбирался в людях.

Услышав гул автомобильного мотора, Настя осторожно, прячась за деревьями, скользнула к краю леса и увидела, как «тойота» подъехала к домику и остановилась неподалеку от него. Из нее вышли четверо плечистых и высоких парней в кожаных куртках с автоматами

наготове. Они осторожно, стараясь не наделать лишнего шума, направились к дому, окружая его со всех сторон.

«Словно немцы на войне в карательной экспедиции против мирного населения», – подумала Прокофьева, не веря своим глазам. Предупредить Рыжова не представлялось никакой реальной возможности. Бандиты с их автоматами враз расстреляли бы ее даже издали, если бы заметили в этих самых лесных зарослях. А выстрелив в воздух или в бандитов, чтобы разбудить Савелия, она тут же испытала бы на себе их огневую мощь. К такому героизму Настя была не готова.

Пока Настя мучилась угрызениями совести, не решаясь что-либо предпринять, Рыжов уже поднялся с постели. Натянув брюки, он выглянул в окошко, чтобы посмотреть, где и чем занята Настя. То, что ему довелось увидеть, вынудило его схватить свой пистолет, валявшийся на полу под сброшенной наспех одеждой.

Давеча они с журналисткой разделили оружие. Пистолет Вовы Носка как заслуженный после принятого на Настиной квартире боя трофеем перешел к ней. А ствол, принадлежащий Рыжову, естественно, у него и остался. Из этого самого ствола Савелий с первого же выстрела уложил наповал одного из людей Полкана. Разразилась ответная стрельба. Бандиты, особо не целясь, решетили домик очередями из своих автоматов. Двое из них подбежали к двери, которую им даже не пришлось выбивать: она осталась не запертой после Настиного ухода. В то время как третий бандит перестреливался с Савелием, укрываясь за Васильевским «жигулем», в дверь влетела лимонка. Раздался взрыв.

Широко раскрытыми глазами Прокофьева следила за происходящим. Она была готова заорать от ужаса, но ее все-таки сдерживала близость опасности. Раненого Рыжова выволокли на улицу и после короткого допроса добились выстрелом в упор в голову. В уже мертвого Савелия была выпущена еще одна автоматная очередь. Что называется, братва патронов не жалела. Тело его тщательно обыскали, завернули в заранее заготовленный черный полиэтиленовый мешок, плотно перевязали веревкой, вывезли к лесу и выбросили в кусты, как раз те самые, в которых сидела Прокофьева.

Прячась в углублении, напомиавшем нору, Настя чувствовала себя, как мышь, попавшая в западню. Одной частью своего сознания она понимала, что происходит нечто ужасное, а другой никак не могла допустить, что все это происходит рядом с ней и наяву. Такого ужаса она не испытывала даже у себя на квартире в стычке с нагрянувшим туда для расправы с ней Вовой Носком. И как ни странно, тогда она ужаса вообще не испытывала, когда осознала, что должна сражаться, чего бы ей это не стоило. Тогда в ней жила какая-то неистовая сила, двигавшая ею. Сейчас же, увидев своими глазами чудовищно жестокую расправу, она не могла справиться с проснувшимся в ней страхом перед актом убийства человека, который разговаривал и смеялся с ней еще вчера.

Насте захотелось закрыть глаза, чтобы, как в детстве, проснуться после чудовищного кошмара и обнаружить, что все это ей только снилось. Но это не снилось, – она это понимала. Кровь в висках бешено пульсировала, а сердце чуть ли не выпрыгивало из груди. С того момента, когда бандиты уехали, оставив свою жертву на съедение лесным зверям, прошло минимум полчаса, прежде чем Прокофьева отважилась выползти из укрытия. Она осторожно приблизилась к тому месту, где бандиты оставили мешок, чтобы бросить последний взгляд на то, что осталось от ее недавнего знакомого, который, возможно, продолжи она свой путь с ним дальше, мог бы стать чем-то большим, чем просто знакомым, и разрыдалась. Ей хотелось заскулить, как собака, но она сдерживала себя, всеми силами стараясь не уступить нахлынувшему отчаянию. Слезы душили, не давая возможности сосредоточиться. Перед глазами все плыло. Она не знала, что ей дальше делать, куда идти, к кому обращаться.

В траве возле Саввы Рыжова валялся его пистолет. Настя машинально подняла его и положила в сумку. Теперь у нее снова были два пистолета, пистолет Носка и пистолет Дыма, двух мертвецов, неожиданно свалившихся на ее голову.

«Господи, Боже мой», – подумала Настя. Не сумка, а склад оружия и барахолка: там еще лежала так и не сожженная Прокофьевой пижама, которую она не отважилась теперь оставлять здесь, на месте преступления, чтобы не навлечь на себя лишние подозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.